

С.В.Карпенко

**Бесприютная армия
(декабрь 1917 г. – апрель 1918 г.)**

**Главы из книги «Генералы и смута:
Алексеев, Корнилов, Деникин. 1917-1918»¹**

...6 декабря² генерал Л.Г. Корнилов добрался, наконец, до Новочеркасска. К радости его соратников примешалась, однако, тревога: работают ли они с М.В.Алексеевым...

Оснований тревожиться было достаточно. Еще до августа 1917 г. они относились друг к другу весьма критически. Алексеев не слишком высоко ставил Корнилова, зная его слабые места как военачальника, приводившие к поражениям подчиненных ему войск. Весной 1917 г. он наотрез отказал военному министру А.И. Гучкову, вознамерившемуся назначить Корнилова главнокомандующим армиями Северного фронта. Корнилов, со своей стороны, считал Алексеева одним из виновников неудач русской армии в годы войны и вообще смотрел на него с «оттенком презрительности, с какой боевые генералы смотрят на кабинетных стратегов»³.

Тем не менее, движимые общим желанием «спасти армию и страну», они нашли общий язык накануне августовских событий. В дни работы Государственного совещания в Москве Корнилов, понимая, что опираться придется на созданный Алексеевым «Союз офицеров армии и флота», предложил тому возглавить выступление против правительства А.Ф.Керенского, а затем, возможно, и новую диктаторскую власть. Но Алексеев без видимой борьбы и сомнений уступил первенство Корнилову, взвесив все «за» и «против» и решив, что тому, «будучи верховным, это сделать легче»⁴.

Однако после провала августовского выступления глухая взаимная антипатия переросла в нетерпимость, особенно со стороны Корнилова – человека весьма прямолинейного, самолюбивого и слабо разбившегося в людях и мотивах их поступков. Ни разумом, ни сердцем не мог он простить Алексееву, что тот согласился стать начальником штаба у Керенского, да еще прибыл в Ставку, чтобы арестовать его, Корнилова. Истинный мотив этого шага, очевидный многим, - спасти главковерхамятежника и его соратников от солдатского самосуда – в поверхностном понимании Корнилова оправданием не являлся. Умудренный жизнью и

практичный Алексеев, в свою очередь, из августовских событий сделал вывод, что Корнилов – «опасный сумасброд, человек неуравновешенный и непригодный на первые роли».

Новочеркасская обстановка не могла не придать их отношениям характера «острого антагонизма». Властного и честолюбивого Корнилова задевало за живое уже то, что Алексеев приехал на Дон первым и за месяц худо-бедно, но заложил основы антибольшевистской армии. Ему резало слух само ее название - «Алексеевская организация»⁵.

А главное – все денежные пожертвования на добровольцев, от местных и столичных капиталистов, шли в руки Алексеева, тогда как казна, которую собирал по его поручению В. Завойко, была пуста. Более того, Завойко так умудрился «подготовить почву» к приезду Корнилова в Новочеркасск, что поставил его в крайне неловкое положение. Во-первых, претензиями на монополию сбора средств он вызвал «всеобщее недоумение», а у алексеевского окружения – открытую враждебность. А во-вторых, некоторыми своими шагами он дал основание заподозрить его в «нелепейшей интриге» - попытке «свергнуть» А.М. Каледина и «выбрать» Донским атаманом Корнилова. Если это соответствовало действительности, расчет Завойко вполне очевиден: вместе с атаманским перначом Корнилов сразу получил бы казачьи части и донскую казну. Пока же он получил одной неприятной заботой больше: бесцеремонная предприимчивость Завойко грозила ссорой с Калединым. Быстро привязывавшийся к людям, которым он доверял, Корнилов всегда тяжело переживал, когда приходило разочарование. Имея за плечами четырехлетний опыт службы военным агентом (атташе) в российском посольстве в Пекине, он расстался с Завойко в соответствующих традициях: приказал тому в 24 часа покинуть Новочеркасск⁶.

Так же просто решить проблему отношений с Алексеевым (в данном случае – покинуть Новочеркасск самому) не позволяли характер и интересы дела. После первого разговора, с глазу на глаз, они «расстались темнее тучи». Опасения окружающих подтвердились: их совместная работа будет «очень нелегкой»⁷.

Алексеев, поднявшись выше личных предубеждений и неприязни, готов был использовать авторитет и опыт Корнилова и предложил тому компромиссное распределение обязанностей: Корнилову – формирование и командование армией, себе - финансы, внутреннюю и внешнюю политику. Корнилов не согласился и его аргументы, с узко военной точки зрения, нельзя не признать вескими: во главе всего дела должен стоять один человек, а такая «параллельная деятельность» будет постоянно вызывать недоразумения и трения, прежде всего в финансовых вопросах, ибо «каждую копейку на организацию и нужды армии придется

ему испрашивать у генерала Алексеева», а «с развитием дела» ему как командующему не избежать того, чтобы «вплотную подойти к внутренней политике»⁸.

Итак, яблоком раздора стала казна. Сохраняя ее в своем распоряжении, Алексейев сохранял контроль над формированием и снабжением армии. Понять его можно: уверенности, что «сумасброд» Корнилов сумеет рационально использовать с таким трудом собранные им, Алексеевым, скудные средства, не было. В итоге он предложил Корнилову ехать в Екатеринодар и там формировать добровольческие части «совершенно самостоятельно». Корнилов и от этого категорически отказался, заявив, что «это не выход», а «еще хуже»: «...Находясь на таком близком расстоянии один от другого, мы, Михаил Васильевич, уподобились бы с вами двум содержателям балаганов, зазывающих к себе публику на одной и той же ярмарке»⁹.

Невозможность найти общий язык с Алексеевым, полное безденежье, неустроенность и ненадежность Дона как базы – все это привело Корнилова, склонного к поступкам столь же бескомпромиссным, сколь и непросчитанным, к решению ехать (прихватив А.И. Деникина и А.С. Лукомского) на Волгу, а оттуда в родную Сибирь, где, он надеялся, ему «удастся создать большое дело»¹⁰.

Отъезд Корнилова уже считался решенным, но в ситуацию вмешались представители «Правого центра». Встречаясь попеременно то с ним, то с Алексеевым, москвичи горячо убеждали генералов, что только их совместная работа даст шанс на финансовую помощь со стороны как отечественных капиталистов, так и держав Антанты. Аргумент был веский и далекий от лукавства. Действительно, уже первые попытки сбора средств среди предпринимателей и контакты на этот же предмет с дипломатическими и военными представителями союзников показали: рассчитывать на щедрое финансирование новой армии можно лишь в случае их уверенности в ее успехе, питаемой прежде всего верой в ее вождей.

Лукавство состояло не в самом аргументе, а в его подоплеке: единство Алексеева и Корнилова являлось для «Правого центра» залогом собственного лидирующего положения в антибольшевистском лагере, которое обеспечивалось, во-первых, ролью финансового посредника, что сулило приток средств в собственную казну, и во-вторых, ролью правительственного органа при формируемой армии, что открывало прямую дорогу к власти после свержения большевиков.

По их расчетам, имя Корнилова, нажившего в союзных державах репутацию «реакционера», но популярного среди русских офицеров, гарантировало приток добровольцев в армию, а имя Алексеева - высокий

авторитет у союзников, поскольку в столицах Антанты он считался, по выражению У. Черчилля, «крупным стратегом, не уступающим Фошу и Людендорфу и прекрасно знакомым с государственными делами страны»¹¹.

Между 16 и 25 декабря в Новочеркасске состоялись два совещания делегатов «Правого центра», возглавляемых М.М.Федоровым, с группой генералов. Деникин, Лукомский и С.Л.Марков не менее общественных деятелей были заинтересованы в сохранении связки Алексеев – Корнилов во главе армии. По замечанию Деникина, «ее хрупкий организм не выдержал бы удаления кого-нибудь из них»: в случае отхода от дел Алексеева армия «раскололась бы», в случае отъезда в Сибирь Корнилова – «она бы развалилась»¹².

Первое совещание вылилось в «тяжелую сцену». Корнилов требовал полной власти, грозя в противном случае уехать в Сибирь. Алексеев цепко держался за финансы и политическое руководство. Проникновенные речи москвичей – о «самопожертвовании» и «государственной необходимости соглашения» - перебивались их «краткими, нервными репликами». Никто из вождей уступить не хотел и соглашение не состоялось¹³.

Настояв на втором совещании, делегация Федорова, не рассчитывая более лишь на аргументы нравственного порядка, едва ни ультимативно предъявила финансовый: союзники окажут помощь только в случае соглашения Каледина, Алексеева и Корнилова о совместной работе на юге России. Причем оно должно быть документально оформлено, подписано всеми тремя и передано представителям Великобритании и Франции. Корнилову ничего не оставалось, как унять гордыню и согласиться принять лишь военную власть. Однако начавшаяся тут же прием-передача формируемых частей обернулась еще одной «тяжелой сценой»: когда из доклада Алексеева выяснилось, что наличные деньги, собранные у предпринимателей, не покрывают не только будущих, но и текущих расходов, Корнилов в очередной раз дал волю эмоциям и отказался от командования. В конце концов, после настойчивых уговоров общественных деятелей и генералов, он уступил¹⁴.

На Рождество было объявлено о вступлении Корнилова в командование армией, названной по его настоянию «Добровольческой». Его ущемленное компромиссом честолюбие хотя бы отчасти было удовлетворено тем, что мало понятное «гражданское» название – «Алексеевская организация» - ушло в прошлое, а с ним - и имя ее основателя.

Окончательному разделу сфер компетенции между Корниловым, Алексеевым и Калединым должна была послужить организация

«верховой власти», претендующей на статус всероссийской. Ее конструирование грозило новыми «тяжелыми сценами», поэтому Деникин взял на себя инициативу и быстро набросал проект, используя древнюю форму правления, диктовавшуюся условиями дня нынешнего, - «триумvirат». За Алексеевым закреплялись финансы, гражданское управление и внешние связи, за Корниловым – военная власть, за Калединым – управление Донской областью. «Вопросы государственного значения» подлежали решению «триумvirата» в целом¹⁵.

Совещание генералов, на котором кроме будущих «триумvirов» присутствовали Деникин, Лукомский, И.П.Романовский и Марков, одобрило деникинский проект. Затем текст был отредактирован Лукомским, подписан «триумvirами» и отправлен «Правому центру» с одним из его эмиссаров, возвращавшихся в Москву, для передачи союзным миссиям¹⁶.

Сам Деникин изобретенную им конструкцию назвал «исключительно психологическим средством, вполне достигшим цели»¹⁷. С первой частью этого утверждения можно согласиться в том смысле, что удалось найти баланс честолюбий, амбиций и интересов трех вождей, впрячь их в одну упряжку, удержать Корнилова на Дону. Однако вторая часть вызывает сомнения, поскольку сферы компетенции часто совпадали: Алексеева и Каледина – в части финансов армии и Донской области, Корнилова и Алексеева – в части снабжения армии и т.д. Таким образом, на бумаге «триумvirат» объединил трех вождей, на деле же – расширил почву и конкретизировал поводы для трений и конфликтов между ними.

К концу декабря Корнилов обосновался в небольшом доме на Комитетской улице, где разместил и свой штаб. Хотя у крыльца стоял офицер-часовой, сам командующий Добровольческой армией, по просьбе Донского атамана, дабы не раздражать казаков, исполненных ненависти к «старому режиму», формы не носил. В мешковато сидевшем потертом костюме, черном в полоску, галстук и солдатских сапогах он походил на мелкого приказчика¹⁸.

Во главе своего штаба, быстро сформированного, он поставил генерала Лукомского, в течение лета 1917 г. служившего при нем начальником штаба главковерха.

Первые же дни командования подтвердили опасения Корнилова по части финансирования Добровольческой армии.

Алексеев всю жизнь, даже будучи начальником штаба главковерха, когда в его распоряжении были огромные материальные и финансовые ресурсы всей страны, отличался крайней бережливостью и старался избежать неоправданных трат казенных денег¹⁹. В

Новочеркасске же, считая финансовое положение формируемой армии совершенно необеспеченным, он стал чрезвычайно скуп и методично урезал Корнилова во всех расходах. В итоге, когда вернувшиеся с фронта донские казаки, дабы поправить свое хозяйство, распродавали, сравнительно недорого, патроны, винтовки, пулеметы и даже орудия со снарядами, снабженцы из-за нехватки денег упускали выгодные случаи. Время шло, денег не прибавлялось и командующего это просто выводило из себя. То и дело он требовал у Алексеева купные суммы в свое безотчетное распоряжение и тогда между ними происходили резкие объяснения²⁰.

При всяком подобном обострении общественные деятели бегали от одного к другому, пытаясь предотвратить разрыв. Брались даже за выработку нового письменного соглашения - более четко разграничить их сферы компетенции. Сглаживать разногласия между ними стоило каждодневных усилий и генералам: Деникину, назначенному помощником командующего, и начальнику штаба Лукомскому²¹.

Хотя Корнилов был «иногда очень резок и часто несправедлив» с Алексеевым, последний «терпеливо переносил незаслуженные обиды». Лишь изредка, в разговорах с самыми близкими, он сетовал по-стариковски: «Как тяжело работать при таких условиях...» Скрепя сердце, он в интересах дела уступил первое место своему бывшему ученику в Николаевской академии Генштаба и теперь «тщательно избегал всего, что могло показаться Корнилову вмешательством в управление армией»²².

Корнилов же, ощущавший компромисс с Алексеевым как путы на руках и ногах, с трудом сохранял внешнее спокойствие, приличествующее вождю. Своему окружению он твердил, что не верит в успех дела, возглавляемого двумя лицами, и остался на юге лишь «по настоянию и принуждению» московских представителей. Его тяготили финансовая зависимость от Алексеева и материальная от Каледина, угнетали «отсутствие полной мощи» и «ограниченность перспектив»²³.

Снедаемый боевым нетерпением и жадой избавиться от тыловых пут, он спешил сформировать части и уйти с ними на фронт. Порой им овладевало намерение переехать со штабом в Ростов. Наконец, поскольку Дон перестал казаться надежной базой формирования, его никак не покидала мысль уехать в Сибирь. «Сибирь я знаю,- говорил он Лукомскому,- в Сибирь я верю... Долго здесь оставаться я буду не в силах. Жалею только, что меня задерживают теперь и не пускают в Сибирь, где необходимо начинать работу возможно скорей, чтобы не упустить время»²⁴.

Вообще Корнилов и Алексеев тяжело переносили непривычку к безвластию (большевики гораздо легче и быстрее преодолели

непривычку к власти). Впрочем, умудренный жизнью Алексеев, похоже, психологически гораздо легче Корнилова приспособился к унижительному положению генерала без армии и без тыла, к невообразимой прежде ситуации, когда все нужно начинать с нуля и при этом нельзя привычно требовать и приказывать, а можно только просить и убеждать, да и то с оглядкой, поскольку в отношении к армии казаков и казачьих демократических политиков преобладали, в лучшем случае, равнодушие и скепсис, в худшем – враждебность.

Неладья между Алексеевым и Корниловым раскололи их окружение. В штабе командующего царили культ Корнилова, которого именовали не иначе как «верховным», и пренебрежительное отношение к Алексееву. Сотрудники последнего платили «корниловцам» тем же. Эти раздоры, которые даже не пытались скрывать, бросались в глаза рядовым офицерам и вызывали тревожные пересуды в частях. Довольно скоро разделение на «алексеевцев» и «корниловцев» проникло в офицерскую среду²⁵.

...Между тем военно-политическая ситуация на Дону быстро менялась не в пользу Добровольческой армии.

Работавший в первой половине декабря в Новочеркасске III Большой войсковой круг принял решение создать «паритетное» правительство, в котором поровну были бы представлены казаки и иногородние. Атаман Каледин, хватавшийся за все, что давало шанс предотвратить братоубийство и укрепить его власть, поддержал эту идею. В первых числах января собравшийся там же съезд неказачьего населения области, тон на котором задавали эсеры, утвердил соглашение с войсковым правительством о «паритете» и заявил о необходимости бороться против большевистского Совнаркома за Учредительное собрание, потребовав вместе с тем разоружить и распустить Добровольческую армию.

Когда же 4 января «паритетное» правительство было сформировано, его председателю М.П.Богаевскому и Каледину удалось уломать его левую часть – эсеровских лидеров - и отговорить от разоружения добровольцев. В правительственную декларацию была включена компромиссная формула: Добровольческая армия сформирована «в целях защиты Донской области от большевиков, объявивших войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное собрание, должна находиться под контролем объединенного правительства и, в случае установления наличности в этой армии элементов контрреволюционных, таковые элементы должны быть удалены немедленно за пределы области»²⁶.

Такая официальная позиция впервые дала Каледину законное основание оказывать армии Корнилова финансовую и материальную помощь. Однако настроений казачьего и иногороднего населения области и его отношения к добровольцам такой декларативный компромисс изменить не мог.

Казачья масса, уже прельстившись посулами большевиков, но еще не испытав их власть на собственной шкуре, опасалась, как бы Добровольческая армия не стала «бельмом на глазу» у большевистского правительства и не толкнула его на войну против Дона. Казачьи политики «двоились» между надеждой, что в отсутствие добровольцев им было бы легче договориться с Совнаркомом о самостоятельности Дона, и опасением, что без их помощи от нашествия с севера не оборониться. Наконец, прибывшие на Дон вместе со своими частями казаки-фронтовики, сполна хлебнувшие окопной грязи, крови и большевистской пропаганды, ждали установления Советской власти спокойно: они считали, что это и есть «настоящая народная власть», которая им, простым казакам, ничего худого не сделает, а ежели прижмет атаманов, генералов и помещиков, то так им и надо – «довольно побарствовали». Тысячами растекаясь по родным станицам и хуторам, они заражали своим настроением казачье население. Популярный среди казаков подхорунжий Ф.Г.Подтелков активно агитировал за свержение Каледина и изгнание армии Корнилова, убеждая, что тогда большевики предоставят казачеству возможность самому решить свою судьбу. Казакам такая агитация все больше была по нраву²⁷.

Что касается изголодавшихся по земле иногородних крестьян («хохлов»), выходцев из украинских и центральных российских губерний, точивших зубы не только на помещичью, но и на казачью землю, то они рассчитывали получить ее именно от центральной Советской власти и с нетерпением ждали ее установления на Дону.

Новочеркасск жил в состоянии хронической паники. Слухи, многократно увеличенные страхом, о продвижении посланных Совнаркомом красногвардейских отрядов под командованием В.А.Антонова-Овсеенко к центрам области почти парализовали донские власти. Каледин, не имевший надежных войск, остро переживал свое бессилие. Во всей фигуре, в словах и делах атамана, напоминавшего многим «спящего тигра», чувствовалось «что-то обреченное»²⁸.

Корнилову, с его бойцовским характером, все острее претила пассивность Каледина, как и его реверансы налево. Раздражали необходимость согласовывать свои действия с человеком, потерявшим сердце, и унижительная зависимость от «провинциальной» казачьей власти, которая бралась его «контролировать», но не давала ни бойцов,

ни денег. Пребывание в Новочеркасске тяготило все сильнее и крепло убеждение: ему и его армии делать тут больше нечего и честь защищать столицу Дона нужно предоставить самим казакам²⁹.

10 января в станице Каменская собрался съезд фронтового казачества. Делегаты двадцати одного полка и пяти батарей два дня обсуждали, как предотвратить братоубийственную войну на Дону. Общим желанием было скинуть Каледина, изгнать с Дона армию Корнилова и не отдавать власть пришлым большевикам. «Глубокие эгоисты и шкурники», казаки опасались, что ненавистные «хохлы» в случае установления на Дону власти Совнаркома «распояшутся». В итоге съезд объявил войсковое правительство низложенным и избрал свой орган власти - Донской казачий ВРК во главе с Подтелковым³⁰.

Посланные ВРК части захватили Лихую и Звереву. До Новочеркасска было рукой подать.

13 января в Каменскую прибыла делегация войскового правительства - уладить дело миром. Переговоры шли трудно. Посланцы Каледина упрекнули ВРК в том, что тот «продался большевикам». ВРК в долгу не остался, обвинив правительство в том, что оно приютило генералов, офицеров и буржуев, бежавших из Центральной России, и тем втянуло Дон в гражданскую войну. В конце концов решили все же не брать грех на душу и продолжить переговоры в Новочеркасске. Многие члены ВРК, не большевики, еще надеялись уладить дело миром и отправляли Антонову-Овсеенко телеграммы с просьбой не вмешиваться в дела Донской области.

15 января переговоры были продолжены в здании областного правления. Подтелков обвинил калединское правительство в разжигании гражданской войны и предъявил ультиматум: отозвать с фронта и разоружить все добровольческие формирования, выслать их участников за пределы области и передать власть ВРК. Вечером в Новочеркасск пришла телеграмма, что казачий добровольческий отряд полковника В.М.Чернецова отбил Лихую и Звереву, после чего правительство отвергло ультиматум и потребовало распустить ВРК. Шанс на компромисс был упущен.

Для Корнилова сам факт, что Каледин пошел на переговоры с казачьим ВРК, стал последней каплей. Вопрос с переездом в Ростов был решен.

Прежде всего это диктовалось соображениями безопасности – со дня на день атаман мог попросту «сдать» свою столицу «демократии», а уж та, как это случилось в Петрограде, перед большевиками не устоит. С другой стороны, на харьковском направлении, открытом разошедшимися донскими частями и принятом добровольцами, обозначился серьезный

нажим красногвардейских отрядов Р.Ф.Сиверса и Ю.В.Саблина. Вдобавок, не было уверенности, что разложившиеся казачьи гарнизоны сумеют удержать Ростов и Таганрог, города с многочисленным рабочим населением.

Далее, Корнилов надеялся, что в ситуации, когда угроза прихода большевиков стала реальной, а Добровольческая армия превратилась в единственного защитника, ростовская буржуазия, наконец, раскошелится. И у него, командующего, появятся свои собственные деньги и не будет необходимости выпрашивать их у Алексеева.

Наконец, он рассчитывал значительно пополнить армию за счет тысяч офицеров и гражданской молодежи, приехавших в Ростов из различных районов страны³¹.

Переезд состоялся в середине января. Миллионер Н.Е. Парамонов предоставил под штаб армии свой особняк на Пушкинской улице³²; здесь же были обустроены кабинеты и жилые комнаты Алексеева и Корнилова. Хотя кабинеты их находились пососедству, оба избегали личного общения, предпочитая сноситься между собой записками или через адъютантов.

Приказом Каледина, дабы затушевать ее независимость, Добровольческая армия была формально подчинена командующему войсками Ростовского района донскому генералу А.П. Богаевскому, старшему брату главы правительства. Корнилов с этим приказом совершенно не считался и действовал по собственному усмотрению. Благо, Богаевский, человек бесхарактерный и уступчивый, сам поспешил поставить себя в положение подчиненного: усиливал по приказу Корнилова охрану в городе, предоставил в его распоряжение два аппарата Юза, державшие связь с войсковым штабом в Новочеркасске. Корнилов чуть ни ежедневно заходил в штаб Богаевского на Таганрогском проспекте и по прямому проводу обсуждал с Калединым положение на фронте³³.

Цепляясь за Дон, добровольческое командование держало в уме вариант перенесения базы формирования армии на Кубань. И прочное удержание Ростова имело в этом смысле стратегическое значение: отсюда шла железная дорога через Батайск на Екатеринодар.

Еще в начале января в кубанскую столицу в качестве представителя командующего был направлен генерал И.Г. Эрдели, на которого возлагалась задача подготовить почву для включения в армию формировавшихся там добровольческих офицерских отрядов. Его впечатления были безрадостны: власть Кубанского атамана полковника А.П.Филимонова еще более слаба, чем Каледина, сам атаман «в окружении демократии» ведет себя как «врач в психиатрической

больнице» и отваживается лишь на то, чтобы в беседах с близкими поругивать демократов, а кубанские иногородние крестьяне (не меньше половины населения) быстро большевизируются благодаря возвращению с Кавказского фронта совершенно распропагандированных большевиками частей 39-й пехотной дивизии³⁴.

В то же время Федоров попытался добиться от кубанского правительства материальной помощи Добровольческой армии. Однако председатель правительства Л.Л.Быч отказал наотрез, заявив, что «помогать Добровольческой армии - значить готовить вновь поглощение Кубани Россией»³⁵.

Таким образом, у добровольческого командования не было оснований считать Кубань более надежной базой по сравнению с Доном.

...После переезда в Ростов, где находились правления многих банков, акционерных обществ, крупных фирм и предприятий, Алексеев и Корнилов, каждый сам по себе, усилили нажим на местную буржуазию. Однако та «проявила полнейшее равнодушие» к нуждам армии³⁶.

Тогда в Ростове и Новочеркаске была объявлена подписка, средства от которой после их сбора предполагалось разделить пополам между правительством и Добровольческой армией. В Ростове сочувствующие арми элементы населения подписались на 6,5 млн., в Новочеркаске – на 2 млн. Однако казначействам до ухода армии в поход удалось собрать и передать ей не более 2 млн.³⁷

В общем, переезд в Ростов в финансовом отношении себя не оправдал. Защищая этот крупнейший торгово-промышленный центр, армия значительных средств из него не извлекла. По мере приближения большевиков «скарденная ростовская плутократия», опасаясь репрессий, все меньше жертвовала на добровольцев, справедливо полагая, что «горсть героев все равно не спасет от большевиков»³⁸.

Согласно приходным записям Алексева, с 17 ноября 1917 г. по 11 февраля 1918 г. Добровольческая армия из различных источников получила почти 15,5 млн³⁹. Крайне лаконичные, иногда нарочито законспирированные и сделанные с нарушением хронологии, записи эти не дают возможности проверить их полноту и прояснить источники поступления некоторых сумм. Остается лишь довериться аккуратности Алексева. Согласно его записям, 12 млн. были получены от донского правительства, что составило 78,1 % всех поступлений в добровольческую казну. 1,32 млн., полученные «из Ростова от деятелей», т.е. от ростовских предпринимателей, – 8,6 %, 975 тыс., занятые на полгода под проценты у «особого источника» (скорее всего, им был Парамонов) – 6,4 %, 360 тыс., полученные из Москвы от предпринимателей, - 2,3 %, 305 тыс., переданные французской миссией в

Киеве, – 2 %. Наконец, 404 тыс.руб., пожертвованных суммами от нескольких сотен рублей до нескольких десятков тысяч частными, в том числе «неизвестными», лицами, в большинстве, скорее всего, прибывших из центральных районов страны, составили 2,6 %.

На взгляд самого Алексеева, частные пожертвования вылились в «совершенно ничтожную сумму»⁴⁰. И ничего не остается, как признать, что Добровольческая армия с первых дней своего существования находилась на содержании донского войскового правительства.

Определить, в какой степени поступавшие деньги покрывали ее многообразные и растущие нужды, можно лишь косвенным путем и весьма приблизительно, поскольку в записной книжке Алексеева отсутствуют записи о расходах с начала ноября по 9 февраля. По данным Деникина, армия выступила в поход, имея в казне 6 млн⁴¹. Следовательно, за три месяца с небольшим на закупку у донских интендантов, предпринимателей и населения вооружения, боеприпасов, обмундирования, продовольствия, лошадей, повозок и прочего было потрачено около 9,5 млн., то есть в среднем 3 млн. в месяц при численности армии, возросшей до 5 тыс. (900 тыс.руб. на каждую тысячу чинов).

Таким образом, при выбивании из разных источников в среднем 5 млн. в месяц Добровольческая армия сохраняла финансовый «запас прочности» лишь при одном условии - прекращения ее формирования и развертывания. При этом шансы хотя бы закрепиться на Нижнем Дону падали до нуля. А чтобы «начать расширяться и приступить к выполнению более крупных задач», полагали Алексеев и Корнилов, армию следовало как можно скорее увеличить по крайней мере вдвое – до 10 тыс.⁴². Это требовало, с учетом роста цен (за январь 1918 г. стоимость суточного продовольственного пайка в Ростове выросла примерно с 2,7 руб. до 3,5 руб.⁴³), увеличения расходов как минимум до 7,5 млн. в месяц. Дилемма, которая встала перед ними, была проста и беспощадна: текущий бюджет армии не допускал ее развертывания, а останавливать формирование на уровне 5 тыс. и сводить стратегию к обороне донской базы было равносильно самоубийству. Финансовая необеспеченность, таким образом, подрезала на корню все стратегическое планирование и обрекала Добровольческую армию на разгром или самоликвидацию.

Особенно горький осадок и разочарование оставило в душах добровольческих вождей упорное уклонение подавляющего большинства крупных и средних финансистов, промышленников и торговцев от денежной помощи армии. Мизерные размеры пожертвований и ссуд никак не соответствовали их представлениям о патриотическом долге буржуазии, о ее обязанности принести на алтарь борьбы с новой

«смутой» жертву в виде денежных знаков, как приносят свою жертву они сами - в виде крови, их собственной и их подчиненных. Новые «Пожарские» совершенно неожиданно для себя обнаружили, что новые «Минины» не спешат к ним со своей денежной помощью, без которой шансы собрать новое «народное ополчение» равны нулю.

Деникин считал «постановку финансового вопроса весьма показательной», ибо она, на его взгляд, раскрывала «своеобразное отношение крупной буржуазии к антисоветскому и антибольшевистскому движению,- той самой крупной буржуазии, которую революционная демократия тщится представить вдохновительницей и покровительницей движения, созданного якобы на ее средства и для ее благоденствия. От буржуазии генералы Алексеев и Корнилов требовали жертв, но служили не ей, а народным, национальным интересам. Быть может, это обстоятельство и вызывало те трудно преодолимые препятствия...»⁴⁴.

Как это иногда случается с Деникиным, наивность его некоторых обобщений не уступает их же широте. В данном случае – наивность относительно традиционных купеческих представлений о «жертвах» и «интересах». Много заработать может лишь тот, кто бережен в тратах и расчетлив в коммерческих рисках. А купеческий расчет показывал: армия Корнилова и Алексеева слишком малочисленна и слаба, чтобы окупить пожертвования на нее – защитить Дон от большевиков. Тем более не было веры в ее кредитоспособность: не имея собственной территории и шансов на ее занятие в обозримом будущем, она не могла ни вернуть предоставленных ей ссуд, ни восстановить традиционные условия рыночной экономики, которые позволили бы предпринимателям развернуть свою деятельность и компенсировать все понесенные потери (от кризиса, экспроприаций большевиков и поддержки антибольшевиков). Потому для донских толстосумов ввиду скорого прихода большевиков просто выбросить деньги на ветер имело куда больше «интересу» в смысле сохранения жизни и даже, возможно, немалой части капиталов, на что многие еще слепо надеялись.

...В армию пробирались сотни, а десятки тысяч, опустошенные войной, разочарованные в начальниках, запуганные издевательствами и расправами солдат, предпочитали затаиться и выждать. Крупные города были забиты покинувшими армию и облачившимися в штатское офицерами. Разруха и большевистские репрессии нарастали и заставляли заботиться прежде всего о том, как прокормить семьи и спасти свои жизни. Не мирясь в душе с «властью Хама», умом многие признавали: большевики торжествуют благодаря не столько германским деньгам, сколько поддержке «распоясавшейся черни», ее ненависти к «старому

режиму», а потому вооруженная борьба против них, во всяком случае теперь, бессмысленна.

Тем же, кто был полон решимости немедля вступить в борьбу «за Россию», приходилось лишний раз рисковать жизнью, чтобы примкнуть к Алексею и Корнилову. На станциях и в поездах, следовавших на Дон, большевистскими комендатурами устраивались дотошные проверки документов и обыски. Немало офицеров, заподозренных в попытке попасть в Добровольческую армию, было арестовано и расстреляно. Безопаснее был путь с Украины, откуда Центральная рада беспрепятственно пропускала на Дон казачьи эшелоны, с которыми просачивались и офицеры. Но по мере обострения вооруженной борьбы на Украине, установления большевиками контроля над всеми железными дорогами, ведущими на юг, и ужесточения ими репрессий шансов благополучно добраться до Ростова и Новочеркасска становилось все меньше. В начале января с занятием войсками Антонова-Овсеенко Киева приток добровольцев оттуда прекратился, а с середины месяца и из Центральной России удавалось проникать лишь отдельным смельчакам. В декабре – январе в армию ежедневно записывалось 75 – 80 человек, среди которых доля приезжих быстро сходилась на нет⁴⁵.

Всерьез рассчитывать, таким образом, приходилось только на местные ресурсы. На взгляд, они были немалыми. В одном только Новочеркасске в начале 1918 г. проживало около 6 тыс. молодых и здоровых офицеров регулярных и казачьих войск: на каждом шагу среди прогуливавшейся публики встречались шинели мирного и военного времени, разных частей и учреждений, защитные полушубки и бекеши. Еще больше офицеров – до 16 тыс. – осело в Ростове, манящим богатством, разгульным нравом и по сравнению с унылым военно-чиновничьим Новочеркасском всегда выглядевшим «хваткудрявичем»; здесь ими были буквально наводнены центральные улицы, рестораны и кафе⁴⁶.

Корнилов был поражен количеством увиденной в Ростове офицерской и штатской молодежи, слонявшейся без дела или восседавшей в питейных заведениях. И с горечью поговаривал: «Если хотя бы пятая часть ее поступила в армию, большевики перестали бы существовать»⁴⁷.

Однако надежды на приток добровольцев, связывавшиеся с переездом в Ростов, как и расчеты на пополнение казны, не оправдались.

На призывы добровольческой пропаганды, устной и печатной, живо откликнулись прежде всего горевшие жаждой мести «поругателям России», но еще не нюхавшие пороха кадеты и гимназисты старших классов. Многим едва исполнилось 14 – 15 лет. Являясь в бюро записи,

они завывали свой возраст и представляли подложное разрешение родителей.

С порывом и антибольшевистской романтикой местной учащейся молодежи резко контрастировало безысходное или безразличное настроение многих съехавшихся в южные города боевых офицеров. Они не имели никаких препятствий к поступлению в Добровольческую армию, кроме одного - нежелания доверять свою жизнь Корнилову и Алексееву. Выжив в кровавой бойне, претерпев унижения «демократизации армии» и опасаясь мести ожидаемых со дня на день большевиков, они не хотели участвовать в очередном «деле» генералов, на которых лежала мрачная тень августовского провала. Корнилов, коль он оказался бессилем спасти страну, будучи главковерхом, не мог внушать им веру в победу над «немецко-большевистским нашествием», будучи, как и они сами, беженцем.

Вдобавок перед их глазами был красноречивый пример офицеров Донского войска, многие из которых попросту опасались пойти против настроений своих рядовых казаков-станичников и потому всеми правдами и неправдами уклонялись от участия в борьбе с большевиками. Из тысяч казачьих офицеров в донские партизанские отряды поступали лишь десятки, а в Добровольческую армию – единицы⁴⁸.

Наконец, среди «окопавшихся» в Ростове было немало офицеров-тыловиков и военных чиновников, выходцев из верхних социальных слоев, которые и в прежние времена не проявляли фронтового энтузиазма. Рассчитывать на вступление во «всенародное ополчение» этих категорий можно было не раньше, чем на полпути к Петрограду и Москве.

В Екатеринодаре и Минеральных Водах посланный туда генерал Эрдели нашел еще более удручающую картину. Тысячи осевших там офицеров (в Минводах – преимущественно гвардейских) совершенно проигнорировали его призыв вступать в Добровольческую армию, утешая и оправдывая себя маниловскими мечтаниями о близком падении большевиков и скорой высадке «верных союзников»⁴⁹.

Оскудение притока добровольцев и рост потерь заставили Корнилова во второй половине января, уже не оглядываясь на агонизирующую атаманскую власть, объявить мобилизацию офицеров в Ростове. Однако откликнулись на его приказ и записались в армию немногие⁵⁰.

Таким образом, все попытки командования довести численность армии до вожаемых 10 тыс., окончились ничем.

К концу декабря в армию поступило 3 тыс. человек, к середине января – 5 тыс., к началу февраля – почти 6 тыс. Численность боевого

элемента составляла 4 – 4,5 тыс., в штабах и тыловых учреждениях армии служило более 1 тыс., то есть до четверти всего личного состава. Были сформированы три полка, четыре батальона, два кавалерийских дивизиона, две батареи и несколько мелких технических частей. Все они по сути были офицерскими кадрами, рассчитанными на дальнейшее пополнение и развертывание в полнокровные части⁵¹.

Перед переездом штаба в Ростов Каледин, принявший на себя защиту Новочеркасска с севера, настойчиво просил Корнилова оставить в его распоряжении часть армии для поддержки казачих партизанских отрядов. Корнилов уступил и оставил 2-й Офицерский батальон с батареей.

Переезд совпал с активизацией большевистских отрядов, двигавшихся на Ростов и Новочеркасск по железным дорогам со стороны Донбасса, Воронежа, Царицына и Тихорецкой. Корнилов бросил все боеспособное на фронт и работа по формированию фактически прекратилась. В период самых тяжелых боев второй половины января – начала февраля части быстро таяли, теряя ежедневно десятки убитыми, ранеными и заболевшими. Большие потери при отсутствии пополнений разрушали с таким трудом сколоченные полки, батальоны и роты⁵².

Своим малолюдством части на передовой резко контрастировали с полностью укомплектованными штабами (от штабарма до батальонных). В контратаку поднимались редкие цепи. Командиры разрывались и не могли «заткнуть все дыры». Атаки противника обычно отбивали вдесятеро меньшим числом. Успех, которым считалось удержание позиций, приносили грамотное управление и тактическая выучка, обеспечивавшие превосходство над плохо организованным противником⁵³.

Участки обороны все больше напоминали решето и еле держались. Для командования безнадежность положения была очевидна: стоять на месте, не получая подкреплений, и только отбиваться от большевиков, усиливающих нажим за счет каждодневного введения в бой свежих сил, грозило тем, что армия будет «совершенно окружена и истечет кровью»⁵⁴.

При уходе армии на Кубань 9 февраля ее боевой элемент был менее 3 тыс.⁵⁵. Таким образом, потери за декабрь – начало января составили около 1,5 тыс., из них не менее трети – убитыми.

Ежедневно в соборах и церквях Ростова и Новочеркасска отпевали погибших добровольцев, в основном - местную молодежь. В прозрачном морозном воздухе тяжело плыл погребальный звон колоколов. К кладбищам тянулись горестные процессии. Прохожие

машинально крестились и спешили по своим делам, даже не любопытствуя: привыкли за войну.

...Корнилов относился к формированию Добровольческой армии «без особого интереса», «всею душой и сердцем стремясь в Сибирь». Работа на Дону представлялась ему «сравнительно мелкой, местного масштаба», а работа в Поволжье и Сибири – «крупного, европейского масштаба», поскольку якобы давала возможность не только ликвидировать власть большевиков, но и воссоздать фронт против Германии. Похоже, однако, что веру командующего в волжско-сибирские перспективы питали не столько обоснованные расчеты на тамошние, действительно немалые, продовольственные и людские ресурсы, сколько, как это часто с ним случалось, чисто эмоциональные моменты – разочарование в донской базе и стремление избавиться от калединско-алексеевских пут. Все остальные соображения о преимуществах «волжско-сибирского фронта» просто докладывались на весы выбора. И первые же полученные им сведения об «особом обаянии» его имени в Западной Сибири толкнули его к практическим шагам по переезду: в январе в поволжские и западно-сибирские города были отправлены офицеры с целью организации сил⁵⁶.

Между тем отряды красной гвардии, матросов и солдат, подчинявшиеся командующему Южным революционным фронтом Антонову-Овсеенко, все теснее сжимали кольцо вокруг армии. 14 – 15 января восставшие таганрогские рабочие выбили из города слабый добровольческий гарнизон. С разгромом 20 января донского партизанского отряда полковника Чернецова – самого боеспособного и активного – «будто душа ушла от всего дела обороны Дона». Советские отряды и примкнувшие к ним казаки-фронтвики, подчинявшиеся Донскому ВРК, продвигались по железной дороге к Новочеркасску, а выставленные против них полуразложившиеся казачьи части, помитинговав, разошлись по домам. Донская столица была беззащитна. С юга полки 39-й пехотной дивизии усилили нажим на Батайск, угрожая отрезать армию от Кубани.

Вынужденный отводить части все ближе к Ростову, Корнилов ощущал сжимавшееся вокруг его армии кольцо как удавку на собственной шее. Все чаще он приходил в штаб Богаевского и подолгу говорил по прямому проводу с Калединым. Прося у атамана поддержки, он безжалостно напоминал тому, что еще совсем недавно – во время войны – Дон выставял до шестидесяти полков, по сути упрекая в бездействии и беспомощности. Тот, в свою очередь, настойчиво, но с достоинством просил дополнительно перебросить офицерские части под Новочеркасску.

Корнилов после этих разговоров становился мрачнее тучи. Переброска основных сил армии на новочеркасское направление казалась равносильной самоубийству: донскую столицу добровольцы вряд ли сумели бы удержать надолго, а тем временем неизбежно был бы потерян Ростов, а с ним и возможность отхода на Кубань по железной дороге, - армия под Новочеркасском оказалась бы в ловушке⁵⁷.

Два опытных боевых генерала отчетливо понимали безнадежность положения. Как и бессмысленность обращений за помощью друг к другу. Но каждый хотел выполнить свой долг до конца, сохранить, если потеряно будет все, хотя бы честь. Не исключено, у каждого хватило мужества признать горькую истину: ставка на помощь со стороны другого себя не оправдала. Для Каледина выхода уже не было: правы оказались те, кто опасался, что присутствие Добровольческой армии только помешает отстоять независимость Дона – оттолкнет от атаманской власти казачество и придаст Совнаркому агрессивности. Корнилову было явно легче: не он, а Алексеев вкупе с московскими деятелями больше всех уповал на Дон и поддержку казачества, оказавшуюся мифом, и если не Дон, так родная Сибирь станет надежной и богатой базой борьбы с большевиками и немцами.

Хотя с каждым днем просто взять и уехать туда становилось все труднее. Втянувшись в борьбу, Корнилов незаметно для себя стал заложником ситуации. Бросить Добровольческую армию, когда она вот-вот может оказаться в окружении, как он бросил по пути из Быхова наполовину разгромленный Текинский полк, чтобы самому добраться до Новочеркасска, не допускали ни честь и чувство долга, ни куда более рациональные соображения: такой поворот событий неизбежно подорвал бы его репутацию и губительно сказался бы уже на работе в Сибири.

Алексеев – редкий случай – был согласен с Корниловым: переброска армии к Новочеркасску Дона не спасет, а саму ее погубит. Коль надежды и расчеты обрести базу на Дону пошли прахом, считал он, остается одно: пока не поздно, двигаться на Кубань, где соединиться с местными добровольческими формированиями и кубанскими казачьими частями, еще не перешедшими на сторону большевиков. И хотя получаемые из Екатеринодара сведения были неутешительны, особенно по поводу откровенной неприязни краевого социалистического правительства к армии, все надеялись, что Кубань «может избежать поголовной большевистской заразы»⁵⁸.

Ведшиеся все активнее в добровольческом штабе разговоры об уходе на Кубань как единственном шансе на спасение начатого дела быстро стали достоянием близких к армии общественных деятелей. Поднялась волна тревожных пересудов, которая быстро докатилась до

атаманского дворца в Новочеркасске. Каледин, предчувствуя неизбежное, все же предпринял последнюю попытку подвигнуть добровольцев к защите своей столицы. 26 января он телеграммой попросил Корнилова и Алексева немедленно прибыть в Новочеркасск – на «чрезвычайного значения» заседание войскового правительства. Но те от поездки уклонились, сославшись на серьезное положение под Ростовом. Смысл отказа был очевиден всем: командование армии больше не хотело жертвовать своими бойцами ради защиты «негостеприимного края». Вместо себя они послали Лукомского.

Всех собравшихся вечером того же дня в атаманском дворце особенно волновало, что скажет прибывший из Ростова Лукомский. Его манера говорить без витиеватостей, реально трактовать вопросы и веско аргументировать свое мнение пригодились как нельзя кстати. Дабы сразу расставить точки над *i*, он категорично заявил: дать что-либо из состава армии для защиты Новочеркаска возможности нет и, более того, командование просит как можно скорее вернуть выделенный ранее батальон с батареей. А на вопрос, каковы будут действия армии, если обстановка не улучшится, ответил столь же категорично, не удержавшись от затушеванного упрека донцам: армия «не может ставить своей задачей оборону во что бы то ни стало Новочеркаска и Ростова» и перед ней «может возникнуть необходимость покинуть Дон, чтобы на время уйти из области досягаемости большевиков и найти в других местах возможность пополнить свои ряды».

В ходе последовавшего обсуждения сложившейся ситуации прозвучало довольно разумное предложение: атаману, правительству и Кругу перейти в район пока еще относительно «крепких и стойких» левобережных станиц, где будет легче объявить сполох и поднять казаков, а тем временем ожидаемый на днях разлив Дона остановит большевиков.

Итог затянувшейся дискуссии подвел Каледин, выделявшийся среди донцов присутствием духа, сосредоточенностью и достоинством. Он призвал членов правительства «не предаваться самообольщению»: оборона Дона – это прежде всего оборона Новочеркаска, «уход из Новочеркаска – это смерть донского правительства», ибо оно «не в состоянии будет ничего организовать в другом месте». Слово «смерть» атаман произнес с особым ударением; похоже, уже 26 января, когда добровольческое командование отказало в дальнейшей помощи, Каледин решил для себя, что, в случае падения его столицы, ему останется единственный достойный выход - самоубийство. Лукомского же он предостерег особо: решение увести Добровольческую армию с Дона, с которым она «кровно связалась», было бы «гибельно для обеих сторон»,

армия «превратилась бы в бродячую кучку людей, утратила бы свой престиж и, может быть, не нашла бы нигде пристанища»⁵⁹.

Как это часто бывает, сильные натуры, утратив контроль над ситуацией и возможность изменить ее к лучшему, не только не теряют сердце, но и обретают способность куда трезвее оценивать и просчитывать происходящее. Каледин оказался пророком.

Возвратившись 27 января в Ростов, Лукомский доложил командующему: атаман Каледин потерял веру в возможность что-либо сделать для спасения Дона⁶⁰. Корнилов, похоже, этого и ждал. Считая отныне себя свободным от каких-либо обязательств перед Калединым и донским казачеством, он приказал оперативному отделению разработать план занятия Тихорецкой и движения в эшелонах по Владикавказской железной дороге через Батайск и Тихорецкую на Екатеринодар. Спешно начали собирать на вокзале и готовить паровозы и вагоны, принялись грузить винтовки, боеприпасы и прочее имущество армии. 2-му Офицерскому батальону с батареей, защищавшим Новочеркасск, был отправлен приказ сняться с позиций и вернуться в Ростов.

28 января об этом была послана телеграмма Каледину. Получив ее ночью 29-го, атаман экстренно собрал в этот воскресный день правительство. Зачитав телеграмму Алексеева и Корнилова, он сообщил, что для защиты города удалось собрать лишь 147 штыков. «Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено нам враждебно. Сил у нас нет и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития...», - заявил, слагая с себя полномочия, атаман⁶¹.

Около 2 часов дня 29 января Каледин покинул свой кабинет, вышел в спальню, расстегнул мундир, лег на кровать и выстрелил себе прямо в сердце. Своим выстрелом, считают многие современники и исследователи, он хотел пробудить в казаках совесть и чувство долга, поднять их на защиту Дона. Если так – в не меньшей степени выстрел предназначался и для командования Добровольческой армии. Как грозное предупреждение: мы пошли одной дорогой и ее конец может быть одинаков для всех.

Самоубийство атамана убедило последних колеблющихся в добровольческом штабе: уход на Кубань неизбежен. Корнилов, помятуя об отказе кубанского правительства финансировать его армию и потому не желая являться в Екатеринодар, как в Новочеркасск, с пустыми карманами, приказал забрать все деньги и ценные бумаги из Ростовского отделения Госбанка. Но Алексеев, Деникин и Романовский резко высказались против, посчитав, что такой шаг «набросит тень на доброе имя Добровольческой армии». Корнилову пришлось поступиться

интересами дела ради отвлеченной «легальности». Все ценности, дабы их не экспроприировали «товарищи», решили отправить в распоряжение донского правительства (благополучно доставленные в Новочеркасск, заметим в скобках, они были захвачены большевиками)⁶².

Однако ближе к вечеру из донской столицы стали поступать по телеграфу и телефону обнадеживающие сообщения: Дон «встрепенулся», в Новочеркасск съезжаются вновь избранные от южных округов депутаты Круга, настроены они противобольшевистски и высказываются за укрепление атаманской власти и проведение мобилизации.

Поздним вечером из Новочеркасска с ворохом бодрых новостей примчались П.Б. Струве и Г.Н. Трубецкой, а вместе с ними – член донского правительства Г.И. Янов. По их настоянию Алексеев спешно собрал в своем кабинете совещание, на которое, помимо генералов Корнилова, Деникина, Лукомского и Романовского, пригласил также Милюкова, ростовского градоначальника В.Ф. Зеелера и донского генерала Богаевского. Прибывшие принялись горячо убеждать их, что появилась надежда «пробудить казаков»: самоубийство Каледина явилось «ударом грома, который на минуту прошиб даже толстокожих казаков», на Круге нового состава в отсутствие пробольшевистски настроенных депутатов северных округов, отрезанных линией фронта, «сразу определилось твердое и разумное настроение», новым войсковым атаманом прочат нынешнего походного атамана генерала А.М.Назарова, готовится мобилизация.

Штатские, которые «в каждом малейшем просвете военного положения жадно искали симптомы перелома», были воодушевлены, генералы же довольно скептически отнеслись к перспективе «пробуждения казаков». На них куда сильнее подействовало высказанное Струве и Трубецким опасение: как отзовется на самой Добровольческой армии оставление Дона и «превращение в бродячих кочевников»?⁶³

Действительно, приказать уйти было легко, выполнить этот приказ – куда труднее. В ростовских госпиталях лежали сотни раненых и больных. Транспорта вывезти сразу всех не было. Медикаменты и перевязочные средства отсутствовали и поход стал бы для них верной смертью. Еще худшая участь ждала бы их в покинутом городе – рассчитывать на милость большевиков не приходилось. Пришлось бы оставить на расправу и семьи офицеров, включая жен и детей начальников. Элементом населения, которые поддерживали армию, грозили месть и грабеж. А главное – армия не была готова к походу на Кубань материально, что стало прямым результатом хронического безденежья и неналаженного снабжения: в частях далеко не все получили теплую одежду, сапоги и валенки, почти не было запасов патронов и

снарядов, зимнего обмундирования и продовольствия, остро не хватало лошадей и телег для обоза⁶⁴.

Моральная же готовность армии к походу, степень которой соответствовала степени ненависти к большевикам, страха перед ними и жажды продолжения борьбы, могла быть быстро сведена на нет как непреодолимыми материальными трудностями, так и первыми боевыми неудачами в походе.

Алексеев и Корнилов, и не хуже их другие генералы, сознавали: уход на Кубань – мера крайняя и при прочих равных условиях предпочтительнее остаться на Дону. Тем более, коль стал возможен, наконец, подъем казаков – его стоит поддержать.

В конце концов, обсуждение дилеммы уходить или оставаться перешло в обсуждение вопроса, на каких условиях оставаться. Решено было прежде всего через печать успокоить круги населения, взбодурянные слухами об уходе добровольцев. Во-вторых, поддержать Назарова на выборах войскового атамана. В-третьих, добиться от него передачи в подчинение командованию Добровольческой армии Ростовского округа, куда назначить генерал-губернатора. Этим «положен был бы конец безначалию и тому нелепому и унижительному положению армии, при котором она, защищая Ростов, не могла извлечь из него никаких средств для борьбы и своего существования». Зеелер поддержал это намерение генералов, заявив, что ростовские финансисты готовы дать денег, но, опасаясь репрессий большевиков, предпочли бы, чтобы добровольцы «обложили их «насильно»». Решили так и поступить, но лишь после согласования этого весьма щекотливого вопроса с новым атаманом⁶⁵.

Таким образом, воспользовавшись агонией донской власти, командование Добровольческой армии вознамерилось обмен на защиту Дона выторговать себе «суверенитет» над частью Области войска Донского, из которой можно было бы своей властью, своей силой и по своему усмотрению «извлекать средства для существования». Наиболее эффективным механизмом такого «извлечения» представлялся привычный генерал-губернаторский аппарат.

Когда итог совещания стал очевиден, Алексеев принялся набрасывать текст заявления для газет. Увидев это, Корнилов вспылил и напал на него с упреками, что тот «вмешивается в его компетенцию и делает заявление от своего имени». Очевидно, Корнилову уже помнилось, что Алексеев претендует на ростовское генерал-губернаторство. Тот в долгу не остался и между вождями началась перепалка на тему о компетенции, которая повергла всех присутствующих в самые тягостные ощущения. Первым не выдержал Деникин: решительно поднялся и,

бросив в сердцах «Черт знает, что такое! В такое время заниматься подобными разговорами!», вышел из алексеевского кабинета, хлопнув дверью. Его антидисциплинарная выходка охладила пыл вождей: почувствовав себя пристыженными, оба замолчали. Уважение к прямоте Деникина помогло им понять, что они и сами оконфузились, и присутствующих поставили в крайне неловкое положение⁶⁶.

Последние дни января и первые - февраля приносили в штаб армии мрачные донесения с фронта, которые, вопреки надеждам, никак не скрашивались вестями из Новочеркасска. Хотя большевизированная фронтовая молодежь в станицах приумолкла и на майданах властвовали воинственные призывы стариков «опаматоваться», «не посрамить чести казацкой» и «выполнить завет нашего атамана» - «ополчиться» против «христопродавцев», хотя из ближайших станиц в город тысячами стекались вооруженные казаки, «сполоха» не получилось. Полуразвалившиеся войсковой и полковые штабы не справлялись с довольствием и размещением прибывавших. Куда расторопнее оказались местные революционно настроенные казаки, которые на митингах убеждали станичников «не проливать кровь за буржуев» и не страшиться большевиков, которые «стоят за простой народ».

Назаров, оценивая ситуацию как безнадежную, поначалу отказывался от баллотировки в атаманы и уступил лишь настойчивым просьбам Круга, поскольку другого кандидата все равно не было. 30 января Круг избрал его войсковым атаманом, наделив неограниченной властью, а начальника Новочеркасского военного училища генерала П.Х.Попова – походным, и постановил ввести суровые кары, вплоть до расстрела, за уклонение от мобилизации. Назаров объявил всю область на военном положении, а Ростов – на осадном. Однако все эти решительные, но бумажные, меры и грозные слова не могли поддержать чисто эмоциональный, а потому хрупкий подъем казаков. Грозные слова донской власти никого не пугали: у нее попросту не было силы привести их в исполнение. Помитинговав и побуйствовав день-другой в Новочеркасске, казаки возвращались в свои станицы. Подъем надломился и быстро сошел на нет⁶⁷.

Корнилов сразу после избрания предложил Назарову атаманским приказом передать Ростовский округ в подчинение Добровольческой армии. Тот, опасаясь подрыва своего авторитета среди казаков, счел за благо уклониться от такого шага и предоставил инициативу командованию добровольцев. Обсуждение этого вопроса между Корниловым и Алексеевым, осложненное невыясненным после смерти Каледина и распада «триумvirата» разделением сфер компетенции,

вызвал лишь очередные «трения». В итоге вопрос о «ростовском генерал-губернаторстве» заглох и отпал сам собой⁶⁸.

28 января отряды Сиверса взяли Таганрог. 1 февраля части 39-й пехотной дивизии выбили добровольцев из Батайска, вышли к мосту через Дон, лишив армию возможности отойти на Кубань по железной дороге, и начали обстрел Ростова из тяжелых орудий. Неся потери, добровольческие части под давлением наступавших с севера и запада советских отрядов все теснее прижимались к Ростову. В городе начались выступления рабочих. Панические настроения среди сочувствующих корниловской армии групп населения быстро росли. Каждую ночь в штабе объявлялась тревога и все штабные ставились под ружье. Стало окончательно ясно: уход из Ростова неизбежен и двигаться придется походом – единственным оставшимся путем: до станицы Аксайская, а от нее, переправившись на левый берег Дона, на Ольгинскую. Снабженцы спешно закупали по подскочившим сразу ценам лошадей и телеги для обоза⁶⁹.

В эти тревожные февральские дни и ночи командование Добровольческой армии ломало голову, куда отходить. Уже почти готовые разработки отхода на Кубань по Владикавказской железной дороге были перечеркнуты потерей Батайска. Едва набросанный план пешего похода на Екатеринодар подрывался неутешительными вестями из кубанской столицы: правительство и Краевая рада по-прежнему враждебны Добровольческой армии. С другой стороны, Назаров и Попов, пытаясь удержать армию на Дону, при поддержке генерала Богаевского принялись активно уговаривать Корнилова отойти вместе с казачьими отрядами в Сальские степи, в район зимовников – хуторов, к которым на зиму сгонялись табуны лошадей и гурты скота, – севернее и западнее Великокняжеской, окружной станицы Сальского округа.

Корнилова этот вариант заинтересовал всерьез. Ему верилось, и многие укрепляли его в этом, что Дон поднимется, как только казаки испытают на собственной шкуре прелести большевистского хозяйничанья. Вместе с этой верой росли опасения, что Кубань может оказаться не более, а менее «гостеприимной», чем Дон. Малочисленность же донских отрядов была скорее их плюсом, чем минусом: в случае соединения с ними можно было полностью подчинить их и обратить на усиление армии. Это выглядело куда предпочтительнее соединения с отрядами кубанских добровольцев, чьи боевые качества были весьма сомнительны, а амбиции и тщеславие их начальников несомненны. Более того, при подчинении донских отрядов появилась бы возможность поставить под контроль и самого Назарова, которому в смысле авторитета и опыта было очень далеко до Каледина, и тем самым обрести,

наконец, «суверенную» территорию, из которой можно было бы по своему разумению черпать продовольственные, финансовые, людские и прочие ресурсы. В общем, донская синица все больше представлялась Корнилову лучшим выбором по сравнению с кубанским журавлем. Тем более, что идти на Кубань – только удаляться от Поволжья и Сибири⁷⁰.

Алексеева, напротив, потеря Батайска не поколебала в намерении увести армию на Кубань. И в личных беседах с разными людьми, и на совещаниях, на которых он только и общался с Корниловым непосредственно, он отстаивал свою прежнюю точку зрения: придя на Кубань, во-первых, можно будет соединиться с тамошними добровольческими отрядами, во-вторых, поднять на борьбу Кубанское казачье войско, и в-третьих, занять «богатый во всех отношениях район», который даст возможность пополнить армию и снабдить всем необходимым. Свои старые, еще петроградские, надежды, которые не оправдал Дон - «пробуждение казачества и создание обеспеченной базы», - он возлагал теперь на Кубань. Если же и там надежды эти пойдут прахом - дойти до Кавказских гор и, как худший случай, распустить армию, дав ее чинам шанс спастись поодиночке⁷¹.

Алексеев, надо отдать ему должное, в крайне запутанной и нервной обстановке проявлял куда больше выдержки и твердости в своих взглядах и аргументах, чем Корнилов. Он настойчиво убеждал окружающих в своей правоте и внушал им веру в лучший исход. Командующий же колебался, попадал под влияние чужих мнений и никак не мог остановиться на каком-то решении. В то время, как Корнилова, с лица которого не сходила угрюмость, терзали сомнения и опасения потерять армию, а с ней и свой авторитет, Алексеев по-стариковски мудро относился к возможной гибели последнего дела его жизни, равно как и собственной гибели.

Утром 9 февраля, когда отряды Сиверса начали решительный штурм оборонительных позиций добровольцев на северных окраинах Ростова, а в Темернике, западном промышленном пригороде, восстали рабочие, части армии, стоявшие в городе, были подняты по тревоге. Одни Корнилов отправил в бой, другим было приказано ждать дальнейших распоряжений. С каждым часом артиллерийская канонада, пулеметная и ружейная стрельба приближались и усиливались. В 3 часа дня был отдан приказ уходить из города в Аксайскую, на восток, где переправиться через Дон и сосредоточиться в Ольгинской.

Корнилов, во главе построенных в колонну хмурых и подавленных чинов штаба, покинул парамоновский особняк около 7 часов вечера, когда уже стемнело и улицы города словно вымерли. Первые шаги вверх по Пушкинской он сделал словно вслепую, терзаемый

мрачным предчувствием, что назад не вернется и семьи своей, оставленной без средств у чужих людей, больше не увидит. Окончательное решение, куда двигаться - на Кубань или в Сальские степи – он отложил до Ольгинской⁷².

Почти всю ночь 10 февраля из города по дороге на Аксайскую тянулись малолюдные пешие колонны частей, облепленные штатскими беженцами. За ними спешили, застревая и обгоняя друг друга, телеги, повозки и сани; ломавшиеся бросали тут же. В одних лежали раненые и больные, сидели женщины, на других везли наспех наваленные чемоданы, ящики и узлы – как с ценным имуществом, так и с никому не нужным барахлом. Все переживали, удастся ли покинуть город, в который уже вступали с севера большевики. Волнения были напрасны: победители их не преследовали и все сумели выйти из города еще затемно.

После краткого отдыха в Аксайской утром 10 февраля по уже подтаявшему и потрескавшемуся льду началась переправа на левый берег Дона, которую прикрывал выставленный арьергард. На станции разгружали вагоны; винтовки, снаряды, патроны и прочее армейское имущество, которое удалось вывезти с ростовского вокзала под обстрелом восставших на Темернике рабочих, перекладывали на подводы с полозьями. По снежному полю от берега в сторону Ольгинской вилась темная лента. Нестройными толпами штатских, разнообразием повозок, бедностью и пестротой одежды Добровольческая армия напоминала переселяющийся цыганский табор.

Переправа заняла день и к вечеру 10 февраля части армии – пришедшие из-под Ростова, отступившие из Новочеркаска и отошедший левым берегом Дона из-под Батайска отряд Маркова – вместе с беженцами сосредоточились в Ольгинской⁷³.

Здесь командованию предстояло реорганизовать армию, подготовить ее к походу, а главное – решить вопрос, равнозначный гамлетовскому «быть или не быть?»: куда идти?

За четыре дня относительно спокойного пребывания в Ольгинской командование переформировало части: мелкие были влиты в более крупные и все сведены в три полка - 1-й Офицерский (командир – генерал Марков), Корниловский (командир – полковник М.О.Неженцев) и Партизанский (командир – генерал Богаевский), - два батальона, артиллерийский дивизион (четыре батареи по 2 легких орудия) и три конных отряда. Примкнувшие к армии в Ольгинской малочисленные пешие партизанские отряды донцов были влиты в Партизанский полк.

Сведение частей породило немало обид и уязвленных самолюбий: одни были понижены с батальонных командиров до ротных

и отказывались командовать ротой, еще больше было таких, кто вообще лишился командной должности и встал в строй рядовым. Не удалось избежать и трений между сведенными вместе частями, потерявшими прежнюю самостоятельность, а то и старых, «своих», командиров: так, юнкера были недовольны слиянием со студентами бывшего Ростовского полка, которых они считали «социалистами».

Общая численность боевого элемента армии не дотянула и до 3 тыс.⁷⁴

Выступая перед построенными батальонами своего полка, Марков не удержался от горького упрека – тем, кого в этом строю не было: «Не много же вас здесь. По правде говоря, из трехсоттысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше»⁷⁵. Упрек, вполне заслуженный и понятный, повис в потеплевшем воздухе. Как и незадачный вопрос: откуда Алексеев взял бы деньги на содержание армии, вступи в ее ряды еще хотя бы 2 - 3 тыс.?

Не менее тысячи – до четверти всей армии - насчитывал небоеспособный элемент: до 200 вывезенных из Ростова раненых и больных, чиновники, общественные деятели и беженцы, в большинстве – женщины и пожилые мужчины, связанные с армией самыми разнообразными, но тесными узами, а также подводчики. Все они составили обоз, в командование которым вступил начальник отдела снабжения генерал Е.Ф. Эльснер.

При таком соотношении боевого и небоевого элементов собственно армия, по выражению прагматика Лукомского, являлась лишь «прикрытием к своему обозу»⁷⁶.

Сколачивание обоза, чем лихорадочно занимались в Ольгинской Эльснер и его подчиненные, наглядно обнаружило плачевные результаты скудного финансирования и неналаженного снабжения. Винтовочных и ружейных патронов было совсем немного, снарядов – не более 700, то есть меньше сотни на орудие, что, по опыту Великой войны и боев под Ростовом, считалось крайне недостаточным. Медикаментов и перевязочных материалов не было. Скудные запасы теплого обмундирования и обуви бросили в Ростове и раздать многочисленным нуждающимся было нечего. Поскольку обозные лошади, купленные в Ростове, «имели жалкий вид и еле тянули свои повозки и сани», пришлось покупать лошадей у казаков, заломивших по такому случаю «баснословную» цену⁷⁷.

Вобрав в себя весь небоеспособный элемент и скудные запасы, обоз составил около 300 повозок⁷⁸.

Как показали дальнейшие события, обоз был слишком мал и беден, чтобы обеспечить армию в походе всем необходимым, и слишком

велик (растягиваясь на походе до трех верст), чтобы не сковывать ее маневров и замедлять ее передвижение.

В Ольгинской же, когда стало очевидным, что «триумвират» не восстановить, пришлось в очередной раз регулировать служебные отношения (об урегулировании личных никто уже и не помышлял) и разделять сферы компетенции между Алексеевым и Корниловым. Установлено было, что управление армией в походе и постановка ей боевых задач – прерогатива Корнилова, а Алексеев «будет руководить политической частью, сношениями с внешним миром и в его руках будет казначейская часть». По смыслу договоренности, поскольку контролируемая территория свелась теперь к занимаемым позициям, снабжение армии перешло в руки командующего. Управлять, собственно, было нечем, и «гражданское управление» у Алексеева не то чтобы было изъято, а попросту превратилось в фикцию. Не осталось и возможности вести печатную пропаганду и сноситься с внешним миром (с ним – в виде окрестных населенных пунктов – реально могла теперь «сноситься» лишь войсковая разведка). Таким образом, сфера власти командующего расширилась, а Алексеева – сузилась до сугубо казначейской. Радикально разрешить «больной вопрос о взаимоотношениях между ними» так и не удавалось, ибо «один другому подчиниться не мог»⁷⁹.

Ставя интересы дела выше честолюбия, Алексеев уступил Корнилову при перераспределении власти, но в чем он уступить не мог, так это в вопросе о направлении похода. Если командующий, колеблясь, склонялся к району зимовников и уже отдал предварительные распоряжения, то Алексеев с каждым днем смотрел на Сальский округ все мрачнее. Главной причиной тому были бьющие в глаза малочисленность и плохая обеспеченность войск, громоздкость и бедность обоза. Тяжело переживая неудачу на Дону, он все острее ощущал на своих плечах ответственность за жизнь доверившихся ему людей. И потому все прочнее утверждался в екатеринодарском направлении уже не только по соображениям приобретения новой базы (расчеты и надежды на это, ввиду «неопределенного положения на Кубани», изрядно подтаяли вместе со снегом), но и из опасения, что движение к Великокняжеской не позволит армии вырваться из окружения, а возможно, и того хуже – заведет ее в куда более плотное вражеское кольцо. А если Кубань также не даст прочной и богатой базы – действительность принуждала его примириться с этой горькой мыслью, – то наилучшим выходом было бы распустить добровольцев и, раздав остатки денег, предложить им самостоятельно пробираться через Кавказские горы, «кто куда пожелает или будет в состоянии»⁸⁰.

Утром 12 февраля от прибывшего из Новочеркасска генерала Лукомского Алексеев получил ожидаемые, но оттого не менее трагичные вести: Назаров вот-вот сдаст город большевикам. Тогда же из разговоров с Романовским и Эльснером он заключил, что «сумасброд» Корнилов уже принял, ни с кем не обсудив, решение двигаться в район зимовников. Поэтому днем он написал командующему пространное письмо, в котором, настойчиво попросив создать по этому вопросу военный совет, ясно обозначил свою позицию: при уходе в район зимовников «невозможно не только продолжение нашей работы, но даже при надобности относительно безболезненная ликвидация нашего дела и спасение доверивших нам свою судьбу людей»⁸¹.

На состоявшемся во второй половине дня совещании большинство поддержало Алексеева, разделив его взгляд, что уход в Сальский округ довольно рискован по стратегическим и политическим соображениям. Армия окажется зажатой между разлившимся Доном и железной дорогой Царицын – Батайск, все узлы которой, равно как и выходы всех грунтовых дорог из района, будут заняты большевиками. Результатом станут невозможность получать извне пополнения людьми и предметами снабжения и отстранение от «общего хода событий в России». А в зимовниках, где нет ничего, кроме конюшен и хлевов, немолотого зерна, сена и скота, для армии не хватит ни жилья, ни продовольствия.

Меньшинство, как и Корнилов, склонялось к соединению с донскими отрядами и уходу вместе с ними в район зимовников с целью дожидаться подъема казаков, который представлялся неминуемым после первых же опытов большевистского правления. Особенно активно отстаивал этот взгляд генерал Богаевский, горячо уверяя, что зимовники очень богаты, всем найдется место и никто голодать не будет.

Однако в перспективу казачьего подъема, после всего, что случилось, верилось слабо. Давала о себе знать крайняя степень физической и душевной усталости. А кого-то могло посетить и злорадство по поводу донцов: раз они, позабыв о России и нарушив присягу, предпочли пережить смуту «с краю», в сытости и теплых хатах, пускай теперь опробуют большевистскую хватку на своем горле – сами накликали беду. И, напротив, хотелось верить, что на Кубани найдется-таки для них «земля обетованная»: богатое снабжение, сочувствие населения, «борющаяся власть» и уже сформированные добровольческие части. Эта вера давала силы и потому разумный скептицизм, не преувеличены ли кубанские «прелести» стоустой молвой, отодвигался в самые дальние закоулки разума.

Решающим же аргументом в пользу Кубани, похоже, стало соображение Деникина, только что назначенного Корниловым заместителем командующего. По его мнению, самым привлекательным на Кубани для Добровольческой армии были не природные богатства (еще предстояло немало сделать, чтобы обратить их на удовлетворение ее нужд) и не сочувствие населения (что было под большим вопросом), а совсем иное: «уцелевший от захвата большевиками центр власти – Екатеринодар», который только и мог дать «возможность начать новую большую организационную работу».

Против такого веского аргумента устоять было трудно и Корнилов согласился изменить свою точку зрения. Совещание приняло решение идти на Кубань, точнее – на Екатеринодар⁸².

Сила и вес деникинского аргумента в общем понятны. Генералы, традиционно считавшие смыслом существования и главным предназначением гражданской власти обеспечение нужд армии вообще и в период войны – в особенности, не могли не ощущать своей беспомощности в отсутствии атрибутов и рычагов власти, средоточием и олицетворением которых был город. Как минимум губернский – с канцелярией губернатора, губернским правлением и губернскими учреждениями центральных ведомств (финансовыми, полицейскими, судебными, военными, транспортными, связи и т.д.) - или областной – с казачьими войсковыми учреждениями впридачу. Военизированный вариант такой власти – генерал-губернаторство – считался жизненно необходимым и для начала достаточным придатком к Добровольческой армии, вполне способным в условиях кризиса и войны решать проблемы как ее финансирования, пополнения, снабжения и обслуживания, так и обеспечения «спокойствия» в тылу.

Считая себя далекими от гражданского управления как от чего-то чуждого и малопонятного, генералы стремились к скорейшему овладению атрибутами и рычагами власти, полагая, что именно они смогут выкачивать из занимаемой территории финансовые, материальные и людские ресурсы в масштабах, позволяющих армии не просто удерживать ее, а активно расширять. Более того, по их убеждению, аппарат управления мог и был обязан быстро «переваривать» вновь присоединенные районы – распространять на них свою деятельность и подключать их ресурсы к финансированию, снабжению и пополнению армии.

Это стремление генералов обзавестись собственной территорией и управляющим ею отлаженным аппаратом, подчиненным военному диктатору – командующему армией, надо думать, многократно усилилось печальным опытом сотрудничества с донской властью, которая, по их

мнению, не столько помогала формировать армию и воевать, сколько мешала. И чем меньше они чувствовали себя способными, за неимением знаний и опыта, создать такой аппарат самим и из себя, тем активнее стремились они заполучить его в готовом виде путем занятия ближайшего губернского (областного) города или хотя бы города со своим градоначальством. С Новочеркасском и Ростовом не вышло и виной тому, как они были убеждены, стали малодушие и безрукость Каледина и его правительства. Из ближайших, которые не надо было отвоевывать у большевиков и где прежний аппарат еще не был ими разрушен, остался Екатеринодар. Столица Кубанского казачьего войска – вернее, ее аппарат управления со всеми атрибутами, рычагами и моральным авторитетом у населения - по их расчетам, должен был стать стержнем базы, твердо опершись на которую, можно будет развернуть армию, обеспечить ее всем необходимым и двинуть к центрам власти большевиков. Разумеется, конюшни и хлева зимовников для этой роли не годились.

Утром 13 февраля до Ольгинской дошли вести о падении донской столицы: накануне Новочеркасск заняли казачьи части Донского ВРК. Назаров, который называл себя «атаманом только на бумаге», блюдя завет Каледина – выборный атаман не смеет покидать свой пост, - был арестован во дворце (18 февраля он будет расстрелян большевиками – стоически примет смерть, предназначенную Каледину).

В первой половине того же дня в Ольгинскую приехали походный атаман Попов и его начальник штаба полковник В.И.Сидорин. Перед самым вступлением в Новочеркасск частей Донского ВРК они вывели из города собранный ими отряд - до 1,5 тыс. конных казаков при 5 орудиях и 40 пулеметах. Расчитывая теперь соединиться с Добровольческой армией и вместе с ней уйти в Сальский округ, они и явились к Корнилову.

На командующего численность и вооружение донского отряда произвели сильное впечатление. Вдобавок он, наверняка, прикидывал, что теперь, с потерей Новочеркасска, гонору у казаков поубавится и можно просто подчинить отряд себе и влить его в армию. Тем более, что Попову, никогда не залетавшему высоко, трудно будет противостоять его авторитету. Беседа с донцами кончилась тем, что Корнилов в очередной раз заколебался и отдал приказ конному авангарду, уже выдвинувшемуся к станции Кагальницкая, свернуть на восток – к Великокняжеской.

Весть об этом подняла с постели заболевшего сильнейшим бронхитом Деникина. Его попытки отговорить командующего кончились лишь тем, что тот согласился еще раз созвать военный совет.

К полудню в столовой казачьего дома, к котором жили Корнилов и Романовский, собрались Алексеев, Романовский, Лукомский, Марков и несколько командиров частей.

Корнилов, решивший, видно, после спора с Деникиным не действовать столь прямолинейно, предложил Попову присоединить донской отряд к Добровольческой армии и идти с ней на Кубань. Попов (нельзя исключать, что такой ход был обговорен ими заранее) твердо заявил, что его отряд не может покинуть Донскую область и отойдет в район зимовников. Там, если верить его красноречию, было довольно хлеба, фуража, лошадей, скота и телег для обоза, район с севера прикрыт Доном и из него можно развивать партизанские действия в любом направлении. После чего Корнилов предложил высказываться, оговорившись, что он хотел еще раз обсудить вопрос о направлении движения с учетом заявления Попова, дабы все убедились: с уходом на Кубань будет потеряна возможность соединения с многочисленным и хорошо вооруженным донским отрядом.

Алексеев высказался первым. Заметив, что «вряд ли встречается надобность вновь дебатировать этот вопрос», он повторил свои аргументы за «единственно правильное» направление - на Екатеринодар: легче прорвать вражеское кольцо, возможность занять под базу богатый и многолюдный район, надежда присоединить местные отряды добровольцев и поднять кубанских казаков, а в случае неудачи армия «будет в силах дойти до Кавказских гор», где «можно будет ее распустить».

Неожиданно для себя Алексеев, Деникин и другие сторонники отхода на Кубань встретили серьезные возражения со стороны Лукомского. Помимо знаний и опыта в том, несомненно, говорило и самолюбие, изрядно задетое снятием с должности начальника штаба и назначением вместо него, явно с подачи Деникина, «мальчишки» Романовского. Его первый контраргумент состоял в неизвестности положения на Кубани: расчет на подъем кубанских казаков может оказаться ошибочным, как уже случилось на Дону, и добровольцев они «встретят как врагов». Второй – в неготовности армии к походу: чрезмерно большой обоз со слабыми лошадьми при наступившей распутице лишит ее маневренности и в походе на Екатеринодар приведет к большим потерям и, возможно, полному разгрому. Дабы избежать худшего развития событий, он предложил отойти вместе с донцами в район зимовников, где передохнуть, переформироваться и пополниться. В этом районе армия сможет в течение как минимум двух месяцев отражать наступательные попытки большевиков, а далее принимать решение в зависимости от изменившейся обстановки.

Итогом военного совета стало предложенное Корниловым компромиссное решение: пока отойти вместе с донским отрядом в зимовники, не северные - у реки Дон, а к западу от Великокняжеской, там привести армию в порядок и затем, «вероятно», двигаться на Екатеринодар. В качестве промежуточной цели он назвал станицу Егорлыцкая, где, по сведениям разведки, имелись артиллерийские припасы и откуда можно было свернуть или на Великокняжескую, или на Екатеринодар. Ввиду трудностей размещения и довольствования, на Егорлыцкую Добровольческая армия и донской отряд должны двигаться не вместе, а параллельно, держа устойчивую связь. Наконец, решено было собрать более обстоятельные и точные сведения о районе зимовников⁸³.

Такое среднее решение, допускавшее даже теоретически, что армия может не пойти на Екатеринодар, сильно обеспокоило Алексеева. И около 7 часов вечера, дождавшись, когда Попов и Сидорин уехали к своему отряду, он настоял на созыве еще одного военного совета. По сравнению с дневным, на вечернем, помимо уехавших донцов, отсутствовали Деникин и Лукомский: первый совсем расхворался и не пришел, второй же странным образом (скорее всего намеренно) приглашен не был. Случай, однако, распорядился так, что Лукомский, явившись к Романовскому по своим делам, вошел в столовую, когда совет уже начался. Выпроводить его было неудобно и Корнилов пригласил бывшего начальника штаба к столу. Сначала Алексеев, а затем Лукомский повторили свои противоположные друг другу аргументы, после чего Корнилов заявил, что принятого днем решения менять не станет⁸⁴.

Колебания и споры генералов понятны: никому не дано было знать, что случится завтра. Неизвестно было, какое решение спасет армию, а какое погубит. С узко военной точки зрения, передышка в районе Великокняжеской была предпочтительнее (и дальнейшая – относительно благополучная – судьба донского отряда Попова подтверждает это). Но над всеми законами академической стратегии и тактики, над всеми реальными и мнимыми страхами и надеждами довлели два образа: Кубань как база, богатая людскими и материальными ресурсами, и Екатеринодар как «центр власти», способный обратить эти ресурсы на удовлетворение нужд армии. То и другое вместе – единственное, что давало шанс не только выжить, но и продолжить борьбу с новыми силами и еще большим размахом, расширить ее до всероссийских масштабов.

14 февраля Добровольческая армия выступила из Ольгинской по направлению станиц Хомутовская - Мечетинская. Уныло бредущих,

вразной и не по-зимнему обмундированных добровольцев насмешками провожали казаки, высыпавшие на улицу целыми семьями. Среди станичников, сытых и хорошо одетых, выделялись молодые здоровые фронтовики⁸⁵.

В Мечетинскую пришли поздно вечером 16 февраля. К этому времени разведка собрала сведения о зимовниках и они оказались «вполне отрицательны»: бедны продовольствием и жильем, которое вдобавок разбросано так, что частям непросто будет даже поддерживать связь друг с другом. 17 февраля Корнилов вызвал в здание станичного правления, которое заняли под штаб, командиров всех частей вплоть до мелких донских отрядов. Нисколько по обыкновению не заботясь о яркости своего выступления, он резко и сухо изложил мотивы окончательного решения и императивно указал направление – Екатеринодар.

Командующий и его помощники опасались, что отряды казаков могут отколоться: не так просто было уйти им из родного края, бросить семьи и добро, оторваться от своего походного атамана, а их командирам – потерять прежнюю самостоятельность. Но все обошлось: донцы, поразмыслив, предпочли остаться с Корниловым, тем более что многими из них непосредственно командовал земляк – донской генерал Богаевский.

Попову было отправлено предложение присоединиться и вместе идти на Кубань. Через два дня – 19 февраля – он прислал в Егорлыцкую, куда пришла армия, нарочного с отказом, мотивировав его нежеланием своих офицеров и казаков покидать родной Дон. Добровольческие начальники расценили это решение походного атамана как «негосударственное». На их взгляд, оно было продиктовано лишь честолюбием Попова и Сидорина, которое не могло примириться с неизбежным подчинением Корнилову: в случае соединения «азбука военного дела» требовала установления единоначалия⁸⁶.

В очередной раз добровольцы не нашли с казаками общего языка. «Для нас, - объясняет Деникин, - Дон был только частью *русской* территории, для них понятие «родины» раздваивалось на составные элементы – один более близкий и осязаемый, другой отдаленный, умозрительный»⁸⁷. Он мог бы сделать из своего наблюдения более полный и объективный вывод: в отказе соединиться с Добровольческой армией и подчиниться Корнилову если в какой-то мере и проявилось честолюбие Попова и Сидорина, то куда больше дало знать о себе их опасение, что Добровольческая армия втянет донское казачество в борьбу против всей большевистской России, а это не принесет Дону ничего, кроме неисчислимых бед и разорения. Казаки, по определению

Г.Н.Трубецкого, «глубокие эгоисты и шкурники», не прочь были использовать Добровольческую армию для защиты Дона, но они вовсе не склонны были позволять «старорежимным генералам» Алексееву и Корнилову использовать их самих для отвоевания России у большевиков.

Соединение не состоялось. Добровольцы и донцы пошли разными дорогами: «Ледяной» и «Степной» походы, начавшись практически в одной точке, никогда не пересеклись.

Это имело самые роковые последствия. Не для донцов - для добровольцев. Если Донской отряд Попова и без Добровольческой армии (а возможно, не в последнюю очередь благодаря именно этому) сумел выжить в Сальских степях и, сохранив силы, дожидаться всеобщего казачьего восстания против Советов на Дону, то Добровольческой армии отсутствие донской конницы обошлось очень дорого. Без крупных конных частей она была лишена необходимой маневренности, не могла энергично преследовать противника и вести глубокую рейдовую разведку. Это стало одной из главных причин больших потерь в боях против конницы противника и неудачи штурма Екатеринодара.

Такова была трагическая завязка 1-го Кубанского («Ледяного») похода: ради его цели – Екатеринодара – командование добровольцев пожертвовало соединением с полуторатысячным конным отрядом донцов, без которого эта цель стала недостижима. Доказательства тому ждали армию и ее генералов впереди.

* * *

...У казачьей власти Кубани было еще меньше шансов удержать Екатеринодар, чем у Донского атамана Каледина – Новочеркасск.

Части Юго-Восточной революционной армии под командованием А.И.Автономова, хорунжего Кубанского казачьего войска, продвигались к столице Кубани по железным дорогам от Тихорецкой и Новороссийска, пытаясь охватить город кольцом. Хотя армия едва начала формироваться из большевистски настроенных частей 39-й пехотной дивизии, крестьянских ополчений, рабочей красной гвардии и отрядов моряков-черноморцев и в ней царил партизанщина - плохая организация, низкая дисциплина и «митинговое» управление, - численность ее составляла от 15 до 20 тыс. (штаб Автономова сам не имел точных сведений) и она была очень хорошо вооружена и снабжена за счет находившихся на Кубани складов бывшего Кавказского фронта. Войска Кубанского края – несколько добровольческих отрядов, сформированных преимущественно из офицеров казачьих и регулярных частей, а также юнкеров, казаков и черкесов – не более 4 тыс., - действовали несогласованно и потому без

особого успеха. Известные и опытные кубанские военачальники, сменявшиеся на должности командующего войсками края (последним был Гулыга - старейший генерал Кубанского казачьего войска), никак не могли взять в свои руки управление этими отрядами, поскольку их командиры, пользовавшиеся среди своих добровольцев куда большим авторитетом, с ними не считались. Попытки Кубанского атамана Филимонова уговорить встать во главе войск полковника С.Г.Улагая, кубанца, обретшего за годы мировой войны немалую популярность среди казаков, окончились безрезультатно: не веря в успех, тот уклонился от тяжелой ответственности.

Между тем дошедшие с Дона вести о самоубийстве Каледина и занятии большевиками Новочеркасска и Ростова действовали на кубанские отряды разлагающе: дух упал, казаки стали расходиться по домам.

Так на кубанском безрыбье и чужак – военный летчик штабс-капитан В.Л.Покровский – потянул на командующего. В условиях всеобщего хаоса и неуверенности на него сработали его организаторские способности, инициативность, энергия и крайнее честолюбие. Сформированный им отряд действовал активно и 24 января у станции Георгие-Афипской разбил продвигавшуюся к Екатеринодару от Новороссийска группу армии Автономова, за что атаман 26 января произвел его в полковники. Позже его отряд выбил противника из станицы Кореновской и станции Выселки, задержав продвижение их основных сил от Тихорецкой. В результате Покровский стал играть ключевую роль в обороне Екатеринодара. Вдобавок подчиненные ему офицеры оказали давление на членов Рады, настойчиво убеждая их, что спасти Кубань от катастрофы может только Покровский в роли командующего. В свою очередь, представитель Добровольческой армии генерал Эрдели принялся убеждать Филимонова, что в сложившейся ситуации кроме Покровского назначить некого, рассчитывая, вероятно, что Корнилову после вступления армии в Екатеринодар будет куда проще прибрать к рукам свежеепеченого полковника, чем кого-либо из кубанских военачальников, уже вкусивших «самостийности».

В итоге 14 февраля Филимонов назначил-таки Покровского командующим войсками края вместо Гулыги. Назначение себя не оправдало: Кубань потеряла толкового и энергичного партизанского командира и приобрела необремененного военными знаниями и опытом, зато переполненного честолюбием и неразборчивого в средствах молодого командующего. Оставив фронт, Покровский занялся раздачей заверений, что «край будет им спасен», и выбиванием из правительства «оглушительных кредитов» на новые формирования. И уже подумывал,

не пора ли украсить себя генеральскими погонами и не забрать ли атаманскую булаву из слабых рук вечно колеблющегося старика Филимонова, которого он считал «полуштатским» и «профаном» в военном деле, а заодно разогнать «совдепы» - Раду с правительством. Партизаны же его отряда в отсутствие своего командира запили, загуляли и распустились⁸⁸.

16 февраля части Автономова внезапным ударом выбили разложившихся партизан Покровского из Выселок и, преследуя их, быстро двинулись к Екатеринодару.

Над столицей Кубани витал дух обреченности. 22 февраля Филимонов собрал в своем дворце секретное совещание руководства войскового штаба, правительства и Рады. Из докладов начальника штаба полковника В.Г.Науменко и Покровского безнадежность положения стала очевидна всем. Как и то, что за Выселки самого командующего следовало бы отдать под суд. Но было уже не до того: все спешили, пока не упущен последний шанс, спасти кубанскую власть, отряды и самих себя. А кроме того, многим стало открываться: нрав и повадки Покровского таковы, что покушение на его авторитет может стоить жизни. В итоге единогласно было принято решение эвакуировать Екатеринодар 28 февраля⁸⁹.

25 февраля в город прибыл офицер, посланный Корниловым и чудом пробравшийся через большевистские кордоны. По его словам, Добровольческая армия, разбив большевиков под Лежанкой, движется на Екатеринодар и через несколько дней подойдет. В штабе и правительстве сочли все это собственным вымыслом офицера, поскольку никакими другими сведениями приближение Корнилова не подтверждалось. Тщетно посланец убеждал кубанское командование повременить с эвакуацией - он вызвал еще большие подозрения и за ним установили негласный надзор⁹⁰.

Хотя многим, конечно же, хотелось в это верить. Особенно атаману Филимонову, считавшему, что удержаться в Екатеринодаре до соединения с Корниловым означало бы «спасение Кубани»: это стало бы сигналом к подъему казачества и его вступлению в войска края, части большевиков, еще далеко не организованные и не объединенные Автономовым в настоящую армию, были бы разбиты, его атаманская власть укрепилась бы, а Покровского можно было бы удалить на вторые роли. Однако повлиять на общее настроение и убедить подождать с эвакуацией Филимонов, человек осторожный и слабовольный, был не в состоянии⁹¹. Впрочем, и некоторые из его расчетов на выгоды от вступления в Екатеринодар Добровольческой армии следует признать весьма простодушными: Корнилов, обжегшись на сотрудничестве с

Калединым, несомненно, сделал бы все, чтобы в первую очередь укрепить свою власть, а не Кубанского атамана, подчинить себе кубанские отряды и призвать казаков в Добровольческую армию, а не в сомнительного свойства войска края, вдобавок ему не подчиненные.

28 февраля Филимонов со своим конвоем, правительство, члены Рады, в большинстве - от казаков и горцев, некоторые отряды и гражданские беженцы вышли из Екатеринодара на юг. 1 - 2 марта собрались в ауле Шенжий, куда стянулись все отряды; по дороге десятки офицеров откололись, не желая доверять свою жизнь Покровскому. Численность войск края едва достигла 2 тыс. штыков и 500 шашек при 12 орудиях и 24 пулеметах. Бережливые и расчетливые кубанцы, имея достаточно времени для эвакуации, подготовились к походу основательно: одеты были по-зимнему, обоз сколотили почти в 500 повозок, на которых помимо раненых вывезли немало имущества как тыловых учреждений, так и личное, включая мебель и домашнюю утварь. На совещании командиров решили двигаться параллельно Кавказскому хребту на Майкоп и далее - в горный Баталпашинский отдел, где выждать развития событий⁹².

Слухи о занятии Екатеринодара большевиками застигли Добровольческую армию 2 марта на станции Выселки. Верить им не хотелось. Но 4 марта, во взятой после тяжелого боя станице Кореновская, штаб получил надежное подтверждение этих зловещих слухов из номера найденной советской газеты. Стратегическая идея похода на Кубань, за реализацию которой уже были заплачены сотни жизней добровольцев, обесценилась. Выслушав доклады Маркова и Неженцева, командиров Офицерского и Корниловского полков, о большой убыли и крайнем утомлении, физическом и особенно моральном, личного состава, Корнилов решил свернуть армию с екатеринодарского направления на юг, переправиться за Кубань и в горных казачьих станицах и черкесских аулах передохнуть и «выждать более благоприятных обстоятельств».

Алексеев - он чувствовал себя очень худо из-за обострения болезни - был страшно расстроен поворотом в Закубанье, но настаивать на пересмотре решения командующего не стал: мотивы его были серьезны. Вдобавок их отношения становились все хуже: то и дело между ними выходили «недоразумения», даже по поводу «неправильно» отведенной в очередной станице квартиры. Алексеев все дальше отходил от штаба армии и даже с близким ему Деникиным избегал говорить о тяжелых взаимоотношениях с командующим.

Деникин же, узнав в штабе, что готовится приказ о повороте на юг, расценил это как роковую ошибку. Когда до Екатеринодара оставалось всего два - три перехода и его гипнотическое воздействие на

добровольцев достигло пика, любое промедление в продвижении к нему, а тем более отклонение от екатеринодарского направления грозило, на его взгляд, нанести тяжелый удар по морально-психологическому состоянию армии. Ведь именно высокий боевой дух, организация и выучка являлись главными преимуществами армии над противником, которые вполне компенсировали ее малочисленность, отсутствие базы и нормального тылового обеспечения.

Поэтому ему представлялось необходимым «во что бы то ни стало» продолжить поход к Екатеринодару. Тем более, что армия уже давно попала в стратегическое окружение, выход из которого состоял не в том или ином направлении движения, а в разгроме главных сил Автономова. Военное поражение большевиков, считал он, неминуемо повлечет их «политическое падение» на Кубани и откроет армии дорогу к заветной цели – Екатеринодару. А стоит взять Екатеринодар – и все остальное (деньги, люди и снабжение) приложатся.

Деникин переговорил с начальником штаба Романовским, своим близким другом, нашел у него поддержку и вместе с ним отправился к Корнилову. Но переубедить командующего, сколько они ни спорили, не удалось. Крайне обеспокоенный потерями и переутомлением частей, тот остался при своем: «Если бы Екатеринодар держался, тогда бы не было двух решений. Но теперь рисковать нельзя»⁹³.

Кто прав – Корнилов или так и не согласившиеся с ним Деникин и Романовский – просчитать было невозможно. Последующие дни должны были показать, какое из двух решений являлось обнадеживающе верным, а какое убийственно ошибочным.

Беда была в том, что каждый из добровольческих начальников мог руководствоваться лишь собственными «теоретическими предположениями и интуитивным чувством»: в плотном окружении противника штаб совершенно не представлял себе, что происходит за пределами района, занятого частями армии. Малочисленность конницы не позволяла рисковать ею, отправляя в дальнюю рейдовую разведку. Посылавшиеся разведчики из офицеров обычно попадали в плен и гибли. В отсутствие достоверных сведений штаб был вынужден питаться лишь слухами: этого добра хватало, не было лишь возможности отделить в них правду от «брехни»⁹⁴.

В холодную ночь с 5 на 6 марта Добровольческая армия, повернув на юг, направилась к станице Усть-Лабинская. Днем, отбив атаки преследовавшей группы революционных войск под командованием кубанского казака, бывшего военного фельдшера, есаула И.Л.Сорокина, она заняла станицу и железнодорожную станцию и по мосту перешла на левый берег Кубани.

Утром 8 марта, с боем переправившись через реку Лаба, армия двинулась в горный Майкопский отдел. Каждый крестьянский хутор приходилось отвоевывать у местных формирований иногородних, оборонявшихся упорно, хотя и беспорочно. Корнилов намеревался после перехода через реку Белая круто свернуть на запад – в район дружелюбно настроенных к армии черкесских аулов, где можно было передохнуть и где сохранялись как вероятность соединиться с кубанцами, так и возможность наступления на Екатеринодар⁹⁵.

По злой иронии судьбы 7 марта кубанское командование, получив накануне более или менее достоверные сведения о движении Добровольческой армии к Екатеринодару и решив на экстренном совещании прекратить попытки пробиваться к Майкопу и повернуть обратно к реке Кубань, повело свои войска на соединение с Корниловым. Спасение вилели только в этом, ибо первые же боевые столкновения с частями Юго-Восточной революционной армии показали низкую боеспособность и неустойчивость кубанских отрядов. Неудачи ускорили разложение. Многие командиры открыто высказывали недоверие Покровскому, который не нашел ничего лучше, как приступить к арестам недовольных. Мелкие группы и отдельные офицеры и казаки откалывались и пытались через горы уйти в Закавказье; эти панические попытки спастись поодиночке заканчивались, как правило, гибелью⁹⁶.

Лишь четыре дня спустя, после изнурительных переходов, тяжелых боев с большими потерями, когда проблески надежды гасились волной отчаяния, ища друг друга вслепую – на звуки отдаленного боя не совсем понятно кого с кем – и порой даже не подозревая, что движутся навстречу, Добровольческая армия и войска Кубанского края нашли друг друга. Была в этом и случайность, был и закономерный результат усилий Корнилова. Он торопил армию, утопавшую в липкой грязи размытых дождями дорог, стремясь как можно скорее пробиться от села Филипповское в район черкесских аулов Шенжий - Готлукай, где, по слухам, находились кубанцы, чтобы не дать войскам Автономова разбить их.

11 марта, когда измотанные кубанские отряды, двигавшиеся к станции Калужская почти уже без всякой надежды найти Корнилова, нарвались недалеко от Шенжия на сильную группу противника и в бой пошли даже штатские из обоза, их разыскал разъезд донских казаков из Добровольческой армии.

Кубанцы-строевики бурно радовались соединению. Каждый понимал: опоздай Корнилов на сутки – двое, у них, оказавшихся под боком у значительно превосходящих сил противника, оставалось мало шансов не быть раздавленными. Вся буря эмоций уместилось в одном

слове: «спасены!» Все верили, что объединенной армией будет командовать Корнилов и это даст верный шанс не просто на спасение, а на победу – взятие Екатеринодара. Иные настроения сразу же пробились у командования и политической верхушки кубанцев. Утром 12 марта председатель кубанского правительства Быч, один из лидеров «самостийников», пригласил в маленький амбар, где он ночевал, атамана Филимонова и начальника штаба Науменко. Участники секретного «совещания в амбаре», обсудив вероятность того, что со стороны Корнилова могут последовать «попытки к обезличению кубанского правительства», условились «держаться теснее и быть начеку».

12 марта в занятой станице Калужская, где все кубанские отряды и беженцы расположились на отдых, Быч занялся активной обработкой Покровского, втолковывая ему, как надлежит держать себя с Корниловым командующему войсками «суверенной Кубани». Честолюбие Покровского не уступало властолюбию Быча и они быстро нашли общий язык. Дабы Покровский чувствовал себя на равных с добровольческим командованием, Быч убедил Филимонова не медля произвести Покровского в генералы «за умелую эвакуацию армии из Екатеринодара, приведшую к соединению с Корниловым». Филимонов, предпочитавший на всех крутых изгибах держаться спокойной воды, легкой рукой подписал приказ. Во-первых, радость соединения с Корниловым затушила недавнее острое недовольство Покровским. Во-вторых, он втайне надеялся, что с появлением «настоящих боевых генералов» роль Покровского сойдет на нет. И в-третьих, он хорошо понимал: если кубанская власть лишится своего войска, его роль атамана станет опереточной⁹⁷.

Корнилов, со своей стороны, кубанцев высоко не ставил: лидера масштаба Каледина среди них не было, войска края – не более, чем мешанина из разношерстных отрядов, правительство – сборище керенских провинциального калибра. К такому однозначному убеждению он пришел, наслушавшись красочных рассказов казаков Кореновской станицы про то, как «покровцы пропили Выселки», и нелестных эпитетов, которыми аттестовал всю кубанскую верхушку случайно наткнувшийся на Добровольческую армию в Ейском отделе генерал Гулыга. Но самую полную и убедительную информацию он плучил от немедленно прибывшего в добровольческий штаб генерала Эрдели: о бессилии атамана, политиканстве социалистического правительства Быча, «самостийности» Рады и авантюризме Покровского, чья военная безграмотность отчасти «компенсировалась» лишь «отсутствием моральных предрассудков». А главное – о настроении кубанских войск: подавляющее большинство строевиков проклинает атамана Филимонова

за назначение Покровского командующим и страстно желает подчинения Корнилову⁹⁸.

Убежденный в том, что его армия «спасла кубанцев», Корнилов ни секунды не сомневался в своем праве подчинить себе кубанские отряды, влив их в Добровольческую армию и переформировав по своему усмотрению. А из атамана и правительства - выжать по максимуму: помощь деньгами, проведение мобилизации казаков и реквизиции лошадей, налаживание вещевого и продуктового довольствия армии за счет ресурсов Кубани. Логика его понятна: платить за освобождение от большевиков, деньгами и кровью, должен в первую очередь тот, кого освобождают. Не исключено, в голове Корнилова и других добровольческих генералов быстро вызрела мысль: раз кубанская власть не удержала Екатеринодар и теперь, «подобранная» Добровольческой армией, имеет один-единственный шанс вернуться в свою «столицу» – а именно в ее обозе, то она не сможет диктовать условия и вязать армию по рукам и ногам, как это делали Каледин и его «паритетное» правительство, а само станет лишней парой рук и ног добровольческого командования.

Первая встреча Корнилова с кубанцами состоялась 14 марта в ауле Шенжий, в занятом им доме. Романовский послал приглашение Филимонову и Покровскому, однако последний, направляясь в Шенжий со своим начальником штаба Науменко, перехватил нарочного по дороге, отправил его обратно, а письмо, не известив атамана, забрал себе. Потом он объяснил Филимонову: письмо было адресовано «полковнику Филимонову», а такую форму обращения к войсковому атаману он считал «оскорбительной для всех кубанцев». Однако «все кубанцы», как показала эта встреча и то, что за ней последовало, были ни при чем; при чем был один человек – некубанец, 28-летний свежее испеченный генерал-майор Покровский.

Перед Корниловым, Алексеевым, Деникиным, Романовским и Эрдели он предстал в виде подтянутого молодого человека, одетого в черкеску с новыми генеральскими погонами. С видимым трудом справляясь с волнением и сохраняя достоинство и напускную холодность, он кратко приветствовал собравшихся «от имени кубанской власти» и доложил, естественно, приукрасив, о составе и состоянии войск края. После чего Корнилов ребром поставил вопрос об условиях соединения: кубанские отряды полностью подчиняются ему и вливаются в состав Добровольческой армии. Покровский «скромно, но настойчиво оппонировал»: кубанские власти в соответствии с «конституцией края» хотят иметь «свою собственную армию», а что касается бойцов, то они сроднились со своими частями, привыкли к своим начальникам и «всякие перемены» чреватые «брожением». И предложил, как, вероятно, и

наставлял его Быч, сохранить самостоятельность «кубанского отряда» с его передачей в оперативное подчинение Корнилову.

Алексеев, не выдержав, вспылил: в раздражении назвав Покровского «полковником» и весьма язвительно извинившись за то, что «не знает, как его и величать», он бросил ему резкий упрек: «Войска тут не при чем – мы знаем хорошо, как относятся они к этому вопросу. Просто вам не хочется поступиться своим самолюбием».

Упрек был справедлив лишь отчасти. Сводись все дело исключительно к самолюбию Покровского, все решалось бы куда проще. Сложность состояла в том, что за самолюбием командующего войсками края реально стояли как нежелание кубанского казачества приносить в жертву себя и свое добро ради борьбы с большевиками в центре России, так и автономистские устремления политической верхушки края.

Корнилов твердо подвел черту, всем своим видом показывая, что само обсуждение этого вопроса неуместно: «Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству»⁹⁹.

Боевая обстановка заставила, однако, отложив вопрос о подчинении до переговоров на «правительственном» уровне, поспешить с налаживанием реального оперативного взаимодействия. Условлено было, что на следующий день добровольческий обоз перейдет в Калужскую, где под небольшим прикрытием останется вместе с кубанским, а части совместным ударом возьмут занятую крупными силами противника станицу Ново-Дмитриевская и там соединятся.

Возвратившись в Калужскую, Покровский характер и итоги переговоров «передал» атаману и правительству весьма своеобразно - изрядно переиначив на свой лад. С его слов выходило, что принят он был «довольно холодно», добровольческое командование оскорбительно титулуется Филимонова «полковником», но не Кубанским войсковым атаманом, условием соединения ставит подчинение атамана Корнилову, влитие кубанских частей в Добровольческую армию, упразднение правительства и Рады¹⁰⁰.

Коль Науменко, присутствовавший на встрече, не оспорил такую трактовку ее хода и итогов, можно предположить, что она стала плодом не столько авантюризма самого Покровского, сколько наставлений Быча. Расчет главы кубанского правительства понятен: сохранение организационной самостоятельности кубанских сил до взятия Екатеринодара позволило бы кубанской власти, уже водворившись обратно в освобожденный от большевиков город, поставить себя выше Добровольческой армии и ее командования. И диктовать ей условия пребывания на Кубани, избежав обратной ситуации.

Конечно, Филимонов, Быч и другие кубанские политики не могли не считаться с тем, что, сколько ни повышай в чинах Покровского или кого другого, у них нет военачальника, которого можно было бы противопоставить Корнилову. Как и с настроениями войск, понимавших, что спас их именно Корнилов, и желавших воевать только под его командованием. Но в своем неистребимом стремлении сберечь «суверенитет» Кубани и свое собственное «правительственное» положение, они делали ставку на не менее очевидные обстоятельства: во-первых, войска края, которые они уже именовали между собой «Кубанской армией», по численности и вооружению не уступали Добровольческой армии, и во-вторых, они находились на своей территории и никто, кроме них, полагали они, не мог распоряжаться ее людскими и материальными ресурсами.

Годы спустя бывшие кубанские лидеры стали трактовать соединение Добровольческой армии и кубанских отрядов как взаимное спасение: «В спасении кубанцев было спасение добровольцев»¹⁰¹. Утверждение это в самом общем плане вполне справедливо. Это отчасти подтверждает и Деникин: альтернативой удару на Ново-Дмитриевскую был уход в горы, где армию «ждали бы голод и распыление»¹⁰². Необходимо, однако, учитывать: решающими в данной ситуации факторами были не численность и вооружение, а боеспособность войск и грамотное, волевое командование. Как показали последующие события, отобрать Екатеринодар у армии Автономова добровольцы и кубанцы не могли ни вместе, ни порознь. А спастись, даже мелкими группами, в предгорьях Кавказа или в Закавказье, у добровольцев шансов было куда больше.

Уже следующий день – 15 марта – стал тому убедительным подтверждением. Операция по взятию Ново-Дмитриевской – «Ледяной поход» – стяжала славу генералу Маркову и его Офицерскому полку, вываляла в кубанской грязи честолюбие и командные претензии Покровского и перечеркнула расчеты наиболее «самостийно» настроенных кубанских политиков.

Ливший всю ночь и утро дождь превратил дороги и поля в бескрайние просторы воды и грязи, по которым стелился густой туман. А к полудню поднялся холодный ветер и повалил мокрый снег. Мост через обычно мелкую, а теперь вздувшуюся и бурную речку, преграждавшую дорогу к станции, оказался взорван и пришлось переправляться по узкому броду под убийственным огнем артиллерии противника. К вечеру неожиданно грянул мороз, усилился ветер и началась снежная пурга. Люди и лошади покрылись ледяной коркой и промерзли до костей;

оледеневшая одежда сковала движения и не позволяла согреться. Раненые и просто изнемогшие лежали в ледяной воде.

Уже стемнело, но до конца переправы было далеко. Офицерский полк, переправленный первым и развернутый против станицы, оказался без поддержки: остальные части армии остались на другом берегу, артиллерия безнадежно увязла, посланная в обход конница не смогла перейти речку и вернулась в общей переправе, а кубанские войска, которые должны были атаковать Ново-Дмитриевскую с юга, не подавали никаких признаков активности. Порывистый и бесстрашный Марков, вдобавок вконец разозленный погодой, заявил своим штабным: «Ждать некого. В такую ночь без крыш тут все подохнем в поле. Идем в станицу!» И поднял полк в атаку. Под убийственным пулеметным и ружейным огнем, офицеры, сжимая онемевшими руками винтовки и пробиваясь сквозь густое месиво снега, грязи и льда, ворвались в станицу. Врукопашную сцепившись с обороняющимися, сбили их и гнали до противоположной окраины, попутно выбивая из теплых домов отстреливавшихся в упор красногвардейцев резервных отрядов. Всю ночь потом, пока переправлялись другие части армии, марковские офицеры разыскивали и достреливали большевиков, не успевших убежать и пытавшихся спрятаться в станице.

Покровский же отказался от атаки из-за метели, разлившихся речек и оледеневших дорог. Его бездействие спасло революционные части от окружения и стоило добровольцам лишней крови¹⁰³.

Сам по себе предпринятый Корниловым удар по Ново-Дмитриевской, резко развернув армию на юго-запад, к железной дороге, предвещал дальнейшее развитие событий: наступление на Екатеринодар, успех которого, в силу «азбуки военного дела», мог быть достигнут лишь при едином командовании. Нарушение же Покровским достигнутой в Шенжи договоренности о скоординированной атаке Ново-Дмитриевской не только окончательно подорвало его и без того не безупречную репутацию, но и похоронило расчеты кубанских политиков на «автономную армию» и «оперативное подчинение», красная цена которого была наглядно продемонстрирована 15 марта.

Позицию Корнилова перед переговорами усилил и переданный из кубанских отрядов «с оказией» доклад, что они подчиняются только генералу Корнилову и готовы, если Покровский и правители Кубани не согласятся на единую армию и единое командование, перейти в Добровольческую армию самовольно¹⁰⁴.

Встреча на «правительственном уровне» состоялась в Ново-Дмитриевской 17 марта, в доме станичного священника, который по обыкновению квартиреры заняли под штаб и жилье командующего.

Добровольческую армию представляли генералы Алексеев, Корнилов, Деникин, Романовский и Эрдели. По приглашению Алексеева с правом совещательного голоса присутствовал генерал Гулыга, которого, судя по всему, добровольцы решили припасти в качестве альтернативы Покровскому. Кубанское казачье войско представляли атаман Филимонов, Покровский, председатель Законодательной Рады Н.С.Рябовол, его товарищ Султан-Шахим-Гирей и глава правительства Быч.

Председательствовал Алексеев. Как они договорились с Корниловым - неизвестно, но действовали они слаженно, поскольку на объединение с кубанцами смотрели одинаково.

Дискуссия, довольно затяжная и утомительная, проходила под аккомпанемент артиллерии противника, упорно обстреливавшей станицу, и свелась к ключевому вопросу: что делать с «войсками Кубанского края»? Добровольческие генералы, упирая на «элементарные основы военной организации», настаивали на подчинении кубанских отрядов Корнилову, влитии их в Добровольческую армию и реформировании по усмотрению командующего. Явно не доверяя кубанским правителям, они были полны решимости не дать им сначала использовать армию для освобождения своей «столицы» и укрепления собственной власти, а потом поставить себя над ее командованием и, в конце концов, уклониться от комплектования и снабжения армии, когда она двинется освобождать от большевиков центр России. На взгляд Алексеева, Корнилова и других, лишить кубанских «самостийников» собственных вооруженных сил – значило поставить их в зависимость от армии и тем принудить выполнять все требования по ее финансированию, комплектованию и снабжению.

Заинтересованность добровольческого командования именно в таком решении была как на ладони, и кубанские политики, держа в голове конечную цель Корнилова – роспуск Рады и правительства, выдвигали свои аргументы: «конституция суверенной Кубани» и необходимость правительству опираться на «автономную армию». Особенно усердствовали поднаторевшие в политических дебатах Быч и Рябовол, оттеснив несколько Покровского и тем более Филимонова, который в душе склонялся к позиции добровольцев.

Чем дальше шла дискуссия, тем тягостнее становилась ее атмосфера. Генералам, более месяца похода жившим только боем, она казалась «нудной» и «нелепой». Все происходящее живо напомнило им «бесконечные дебаты революционной демократии» лета 1917 г., которые окончательно разложили армию и открыли большевикам дорогу к власти,

и бесплодные прения в донском правительстве и на Круге, которые открыли красной гвардии дорогу на Дон.

На кубанцев же самое тяжелое впечатление произвели жесткость, прямолинейность и вспыльчивость Корнилова, каждым словом и жестом подтверждавшего их худшие опасения: командующий добровольцев намерен не только прибрать к рукам кубанские части, но и подмять под себя краевую власть.

Корнилов, действительно, даже не пытался скрывать своего раздражения, когда из уст очередного кубанского «переговорщика» слышал предложение сохранить самостоятельную Кубанскую армию, подчиненную ему как «главнокомандующему» лишь в оперативном отношении. Не может быть и речи о «главном командовании», резко возражал он, когда каждая из двух «армий» численно не превышает полка военного времени, а их соединение даст лишь одну бригаду. Самым убийственным для кубанцев стал его едкий отзыв о действиях, вернее – бездействии, Покровского, не поддержавшего вопреки договоренности в Шенжии Добровольческую армию во время операции по взятию Ново-Дмитриевской: «Я не хочу, чтобы командующие армиями угощали меня такими сюрпризами».

И пригрозил, если «соединение не будет полным», увести армию в горы. Эта угроза, фактически - шантаж, была последней возможностью сломить упорство кубанцев, поскольку в этом случае они лишались не только надежды вернуться в Екатеринодар, но и выжить. Для пущего эффекта Корнилов демонстративно обратился к Алексееву (такой ход, возможно, был обговорен ими заранее): «Михаил Васильевич, ставьте вопрос о движении в горы!»

Покровского, попытавшегося было возражать в том смысле, что он «не понимает таких требований», резко оборвал уже Алексей: «Вы поймете, молодой генерал, если хоть на минуту отрешитесь от своих личных честолюбивых интересов».

Это был ультиматум. Гонору кубанцам было не занимать и Быч, согласившись, наконец, на соединение армий, вызывающе заявил, что правительство «устраняется от дальнейшего участия в работе и снимает с себя всякую ответственность за последствия». На что Корнилов вспылил в очередной раз: «Ну нет! Вы не смеете уклоняться. Вы обязаны работать и помогать всеми средствами командующему армией».

Кубанцам, ожидавшим, что разгорячившийся Корнилов вот-вот потребует подчинения себе атамана и упразднения правительства и Рады, такой поворот несколько спутал карты. И они попросили дать им возможность посоветоваться в другой комнате. В перерыве добровольческие генералы живо набросали проект соглашения из трех

пунктов. Согласно первому, кубанский правительственный отряд переходил в полное подчинение Корнилову, которому предоставлялось право реорганизовать его по своему усмотрению. Согласно второму, атаман, Рада и краевое правительство должны были продолжить свою деятельность и «всемерно содействовать военным мероприятиям командующего армией». Согласно третьему, Покровский и его начальник штаба Науменко отзывались в состав краевого правительства. Проект был передан в комнату, где совещались кубанцы.

Вернувшись, те заявили о согласии с проектом, но, якобы «для морального удовлетворения смещенного командующего», настояли на короткой прибавке к третьему пункту: Покровский и Науменко отзываются «для дальнейшего формирования постоянной Кубанской армии»¹⁰⁵.

На том и согласились. Алексеев поручил Романовскому окончательно отредактировать текст, после чего добровольческие генералы разошлись по своим квартирам, а Корнилов оставил кубанцев у себя обедать. Он заметно повеселел и атмосфера разрядилась. Среди прочего, расчувствовавшись сверх меры, он сказал гостям, что «пойдет на Екатеринодар, возьмет его, освободит Кубань, а там делайте, что хотите»¹⁰⁶. Отходчивость Корнилова не уступала его вспыльчивости и вместе они явно не делали из него политика.

После обеда соглашение было подписано.

Итак, вынужденные реальной угрозой гибели поодиночке найти общий язык, добровольцы и кубанцы пошли на компромисс. И каждая из сторон могла утешать себя успехом на «дипломатическом» поприще.

Добровольцы решили ближайшие задачи: Корнилов одним махом получил в свое подчинение около 2,5 тыс бойцов, от выскочки Покровского избавились, кубанская власть обязалась содействовать пополнению и снабжению армии. И предрешили будущее: поскольку никаких временных ограничений или условий прекращения действия соглашения установлено не было, кубанская власть и после очищения края от большевиков не сможет уклониться от финансирования, комплектования и тылового обеспечения армии, которой она, собственно говоря, и будет обязана возвращением в свою «столицу».

Кубанцы же, пережив мнимые страхи за краевые органы власти, сохранили свободу рук в сфере гражданского управления (вернее, в той трудно уловимой ее части, которая в гражданской войне может не быть связана с «военными мероприятиями командующего»), перспективу избежать «поглощения Кубани Россией» и даже сформировать отдельную Кубанскую армию.

Вдобавок, каждой из сторон соглашение предоставляло немалые возможности потянуть одеяло на себя.

Пройдет несколько месяцев и подписанный 17 марта в Ново-Дмитриевской документ из «союзного договора» превратится в источник осложнений и конфликтов между добровольческим командованием и Кубанью. Куда больше времени потребуется, чтобы добровольческие генералы, и то не все, осознали, что механическое применение традиционных мерок «элементарных основ военной организации» (пусть даже в целях самых патриотических и государственных) к расколовшемуся экономическому, социальному и политическому пространству бывшей империи не решает проблем и не снимает противоречий, а загоняет их внутрь, где они тлеют, но не гаснут. И когда осенью 1919 г. они вырвались наружу и вспыхнул пожар, заливать его генералам было нечем - только кровью.

В Ново-Дмитриевской Добровольческая армия простояла до 22 марта - отбивала настойчивые атаки революционных войск, отдыхала и переформировывалась. Прибывавшие в станицу кубанские части вливались в добровольческие и все они были сведены в три бригады: две стрелковых (Маркова и Богаевского) и одну конную (Эрдели). Общая численность армии приблизилась к 6 тыс. бойцов и 4 тыс. лошадей. Обоз, приведенный в относительный порядок, составил 600 повозок. Гражданских беженцев набралось до 3 тыс.¹⁰⁷

Штаб армии лихорадочно разрабатывал операцию по взятию Екатеринодара. Занятые каждый своим делом, генералы о кубанских правителях забыли, словно их и не было. Лишь однажды Корнилов нежданно-негаданно посетил отдельно Филимонова, а затем Быча и Рябовола. Визит к последним не нес в себе ничего делового – одну вежливость, и главу краевого правительства с председателем Рады он вряд ли примирил с унижительной ситуацией. Однако на казаков и офицеров кубанских частей, поступок командующего произвел сильное впечатление и меж собой они толковали: «Корнилов – казак и казаков не даст в обиду». Их воодушевление по поводу того, что судьба армии, Екатеринодара и Кубани оказалась в руках Корнилова, росло с каждым днем. Нечто сходное испытывал и Филимонов, который почувствовал себя довольно уютно в этих маленьких узловатых руках бывшего главковерха.

Корнилов платил Кубанскому атаману симпатией и только с ним из всех правителей края общался охотно и запросто. Будучи в гостях у Филимонова в Ново-Дмитриевской, он откровенно пожаловался, что поход и постоянные опасности утомили его, он соскучился по семье и, как только возьмет Екатеринодар, - передаст его казакам, а сам будет

отдыхать в кругу родных. Но тут же, воодушевившись, добавил: «Если бы у меня теперь было десять тысяч бойцов, я бы пошел на Москву». На что отзывчивый, завороченный бузыскусностью слов и озарившимся вмиг лицом Корнилова, Филимонов тут же горячо заверил гостя, что после взятия Екатеринодара у него будет «трижды десять тысяч»¹⁰⁸.

Увы, антибольшевистские грезы еще не выветрились из голов не только рядовых добровольцев, но и их командующего. Прагматизм и трезвость оценки ситуации и прежде не числились среди главных достоинств Корнилова. Впрочем, когда вера в победный конец похода могла поддерживаться лишь силой духа, без иллюзий, вероятно, было не обойтись.

Вечером 22 марта Добровольческая армия начала операции по уничтожению сил противника, действовавших южнее Екатеринодара, и захвату складов с боеприпасами, без которых нечего было и думать об атаке города. 24 марта, с боем заняв железнодорожную станцию Георгие-Афипская, «снабдилась» вожаделенными трофейными снарядами, числом около 700. 25 марта Конная бригада Эрдели захватила паромную переправу у станицы Елизаветинская. На следующий день при помощи двух небольших паромов и десятка рыбацких лодок части начали переправляться на правый берег Кубани и сходу заняли без боя Елизаветинскую, жители которой встретили их скорее с любопытством, чем с радостью. Переправа, которой руководил Эльснер, начальник отдела снабжения, командовавший в походе обозом, шла медленно и заняла трое суток. Вслед за Конной бригадой Эрдели переправилась 2-я бригада Богаевского, за ней обоз – раненых спешили разместить под крышами в Елизаветинской. 1-ю бригаду Маркова – была ее очередь идти в арьергарде,- Корнилов оставил на левом берегу прикрывать обоз от возможного удара в тыл; ее офицеры нервничали и поругивались, переживая, что город возьмут без них и они попадут «к шапочному разбору»¹⁰⁹.

До близкого и маленького «Иерусалима», как окрестили в армии Екатеринодар, оставалось 17 верст. До «заветного, далекого с золотыми маковками сорока сороков Божьих церквей» - Москвы – много больше...

27 марта в Елизаветинской, в штабе армии, только что водворившемся по обыкновению в дом станичного правления, Корнилов и Деникин, одолевший, наконец, затянувшийся бронхит, обсуждали, что и как делать в занятом Екатеринодаре. Перво-наперво следовало очистить его от укрывшихся большевиков, на корню задавить вероятные волнения рабочих, разместить войска, наладить их продовольственное и прочее снабжение, обеспечить бесперебойную работу городских средств жизнеобеспечения (электрической и водной станций, пекарен и т.п.). В

скорейшем взятии города не сомневались, заботило другое – как «не повторить ростовской ошибки»: не допустить связывающей по рукам и ногам зависимости армии от областной казачьей власти. Решение на этот счет приняли радикальное: «до упрочения военного положения» кубанские правительственные органы не восстанавливать, а ввести должность генерал-губернатора, каковую Корнилов тут же и возложил на Деникина.

Предусматривалось, таким образом, на скорую руку смонтировать в Екатеринодаре привычный механизм генерал-губернаторской власти и непосредственно ему подчинить части гарнизона, несущие «внутреннюю охрану», полицию и все прочие городские учреждения, включая финансовые, торгово-промышленные, продовольственные и снабженческие. При этом Деникин, в соответствии с традиционными для армейской верхушки взглядами, намеревался привлечь к себе «в помощь» местных общественных деятелей с опытом работы, которые исполняли бы генеральские приказы по уму, а не по бездумному усердию и принципу «рад стараться».

Одновременно Корнилов впервые на гражданской войне отдал приказ, чтобы окрестные станицы выставили и немедленно прислали в состав Добровольческой армии вооруженных казаков, полагая, что с него вполне достаточно такого приказа, а уж обеспечить его выполнение – дело кубанских властей¹¹⁰.

Со своей стороны, члены краевого правительства и Рады, предвкушая скорое возвращение в Екатеринодар, как только убедились, что Корнилов со штабом переехал в Елизаветинскую, а раз так – положение там прочное, устремились туда же. Им не терпелось поднять елизаветинцев и казаков соседних станиц, дабы, во-первых, напомнить о себе населению и, во-вторых, сделать хоть что-то, что можно было бы поставить себе в заслугу уже в освобожденном Екатеринодаре. Но не тут-то было: к их полной неожиданности, Эльснер, сославшись на распоряжение Корнилова, отказался переправлять не только правительство и членов Рады, но даже Филимонова с Покровским.

Лишь к вечеру 27 марта Филимонов исхитрился переправиться и разыскал Корнилова, намереваясь объяснить по поводу «странного распоряжения». В штабе армии царило приподнятое настроение: бригада Богаевского только что отбросила части противника, пытавшиеся атаковать Елизаветинскую, погнала их к Екатеринодару и без труда вступила в его западные предместья, а из самого города поступили сведения о панике и якобы начавшейся эвакуации большевиков. Корнилов горел боевым нетерпением, требовал ускорить переправу бригады Маркова и готовил приказ Богаевскому и Эрдели атаковать

Екатеринодар на следующий день - 28 марта. Филимонов с его претензиями, хотя и весьма тактичными, оказался совсем нехстати. Корнилов сразу же прервал атамана: «Генералу Эльснеру оставалось либо задержать Раду на той стороне, либо самому быть повешенным на этой стороне. Я не люблю, когда мои приказания выполняются не точно. Паром мал, а успех дела зависит от скорейшей переправы строевых частей». И затем сухо сообщил о назначении Деникина генерал-губернатором. Филимонова хватило лишь на то, чтобы изобразить на лице «недоумение». Этого, впрочем, оказалось достаточно, чтобы Корнилов, смягчившись, поспешил заверить его: «Это я делаю на первые дни, пока все не успокоится». А твердо высказанное командующим предположение, что Екатеринодар будет взят «через два дня», окончательно сняло камень с души атамана¹¹¹.

Члены кубанского правительства и «радяне» восприняли решение Корнилова куда острее – как унижение и своего достоинства, и «суверенитета» Кубани. И отреагировали на него с «молчаливым осуждением»: недовольство и обиду высказывали лишь в своем узком кругу. Было очевидно, что «пока все не успокоится» вряд ли уложится в «первые дни», а займет недели, а то и месяцы, и на все это время кубанские власти обречены быть на побегушках у добровольческого генерал-губернатора. Это «молчаливое осуждение» Деникин почувствовал сразу же, как только обратился к кубанцам с просьбой дать ему в помощь опытных общественных деятелей: ему фактически отказали, предложив только отставного полицмейстера и едва сформированную контрразведку¹¹².

Вместе с обнадеживающими сведениями о деморализации и неустойчивости войск Сорокина разведка сообщила и весьма тревожные – о стягивании в город подкреплений. Поэтому Корнилов поспешил отдать Эрдели и Богаевскому приказ атаковать Екатеринодар уже 28 марта и не стал дожидаться сосредоточения на правом берегу всей армии и тратить время на планомерное выдвижение частей на исходные позиции. Следствием этой тактической несообразности стала другая: бригада Маркова – треть всей армии - вводилась в бой по частям, по мере переправы, с полудня 28-го до вечера 29-го. В таком пренебрежении основными принципами тактики, довольно рискованном, а по большому счету – безрассудном, многие, современники и историки, склонны были потом видеть главную причину рокового исхода операции¹¹³. Но ключевой вопрос, как представляется, заключался не в обоснованности риска и степени безрассудства именно такой – поспешной, не обдуманной во всех деталях и не подготовленной основательно - атаки Екатеринодара, а в возможности удержать город в случае его захвата.

С утра 28 марта Добровольческая армия пошла на штурм Екатеринодара, охватывая его с юга, запада и севера с целью перерекрывать противнику пути переброски в город подкреплений по Владикавказской и Черноморской железным дорогам и поднять казаков ближайшей Пашковской станицы. Как только части стали расходиться, растягиваясь по фронту, стыки между ними начали разрываться. При атаке части перемешались и потому вестовые опаздывали с доставкой приказов и донесений. Управление армией дало сбой. Что еще хуже, острая нехватка снарядов, которая прежде в походе кроменировалась маневром и отвагой, стала просто губительной: выезжавшие на позиции батареи выпускали не более десятка снарядов по целям, на уничтожение которых требовались сотни, а то и вовсе молчали, не имея возможности поддержать пехоту, когда шквальный огонь артиллерии обороняющихся прижимал цепи наступающих к земле, густо обсыпая шрапнелью на равнинной местности и выводя из строя немало бойцов. Наконец, большевистское командование умело использовало численное превосходство, своевременно вводя в бой на решающих участках крупные резервы и отбрасывая добровольцев¹¹⁴. Корнилов со штабом расположился на ферме Екатеринодарского сельскохозяйственного общества, стоявшей в окружении готовых вот-вот распуститься тополей у пересечения дорог на правом отвесном берегу Кубани. Екатеринодар отсюда был как на ладони: отчетливо просматривались предместья, Черноморский вокзал, кривые линии окопов обороняющихся. Но и ферма, четко выделявшаяся на горизонте, была хорошей мишенью для артиллеристов противника.

К вечеру добровольцы заняли южные предместья и в штабе армии уже не осталось сомневающихся, что город будет взят не сегодня – завтра: как показал опыт предыдущих боев за станицы, потеряв окраину, большевики спешили покинуть населенный пункт¹¹⁵.

С раннего утра 29 марта защитники города, сообразив, что на ферме расположился штаб, начали обстреливать его из орудий прямой наводкой. Романовский указал Корнилову на опасность и предложил перебраться в другое место, но тот отмахнулся: он не желал покидать столь удобного пункта и был уверен, что и так скоро перейдет со штабом в предместья.

За день удалось разобрать перемешавшиеся накануне части, восполнить потери и вывести в переднюю линию бригаду Маркова. Вечером атака была повторена всем фронтом. Артподготовка из-за быстро истощавшегося запаса снарядов получилась чисто символической: укрепления обороняющихся почти не пострадали. Поднимавшиеся в атаку добровольческие цепи встречались густым

пулеметным и ружейным огнем, артиллерия непрерывно была по цепям и скоплениям живой силы. Полки таяли от потерь, особенно тяжелых в командном составе. Был убит командир Корниловского ударного полка, любимец командующего подполковник Неженцев. Гибель авторитетных и любимых командиров гасила наступательный порыв. Части опять перемешались и штаб с некоторыми из них потерял связь; взаимодействие между частями и управление ими опять разладились.

В результате не был использован счастливый случай, какие редко бывают на войне и почти никогда не повторяются. В густеющих сумерках Партизанский полк генерала Б.И.Казановича, в котором осталось не более 150 бойцов, и присоединившиеся к нему около 100 елизаветинских казаков, преследуя отряд противника, бросивший свой оборонительный участок, дошел почти до центра города. Но соседи справа и слева не поддержали его: полковник А.П.Кутепов, только что принявший после гибели Неженцева Корниловский полк, не смог ни поднять в атаку совершенно расстроенный и перемешанный с другими частями полк, ни передать командиру бригады Маркову донесение об атаке Казановича. В результате Казановичу ничего не оставалось, как к рассвету возвратиться обратно, отчасти хитростью, отчасти с боем прорвавшись через революционные отряды, уже успевшие занять свои покинутые окопы и даже не заподозрившие, что к ним в тыл прошли «кадеты». Самым ценным итогом этого ночного рейда был захват повозки с 52-мя снарядами, что стало целым событием¹¹⁶.

Деникин этот «удивительный эпизод, похожий на сказку», трактует так: «...Успех боя был уже почти обеспечен и только ряд роковых случайностей вырвал его из наших рук»¹¹⁷. Но если смотреть на дело без эмоциональных перехлестов, то случайностью следует признать скорее завязку этого «удивительного эпизода», чем его развязку.

На третий день штурма – 30 марта – Добровольческая армия была еще дальше от своей цели, чем в первые два. С каждым часом она выдыхалась все больше, наладить управление никак не удавалось и темп атаки слабел.

Для обороны Екатеринодара Автономов спешно стягивал к нему практически все части и отряды своей армии; по трем железнодорожным линиям, которые добровольцы так и не сумели перерезать, они прибывали в эшелонах из Тихорецкой, Кавказской и Новороссийска. В самом городе формировались отряды из рабочих. В результате ему удалось на всех боевых участках создать подавляющее численное превосходство над добровольцами. Численность большевиков, реально не достигавшую 20 тыс., добровольческая разведка преувеличивала в

полтора раза: определяла ее в боевой линии почти в 18 тыс., а в самом Екатеринодаре – в 10 тыс.¹¹⁸

Располагая немалыми запасами винтовочных, пулеметных и орудийных патронов, отряды Юго-Восточной революционной армии расходовали их не скупясь; гранаты со шрапнелью густо засыпали расположения штурмующих и ферму. Батареи же добровольцев сидели на голодном пайке и потому атакам укрепленных пунктов предшествовала лишь чисто символическая артподготовка. Пехотинцы, экономя каждый патрон, не всегда отвечали на огонь. Боеприпасы были на исходе и из обоза их с каждым разом присылали все меньше.

Части стремительно таяли: в полках из 600 – 800 бойцов осталось по 200 – 300, большинство командиров полков, батальонов и рот было ранено или убито. По дороге на Елизаветинскую одна за другой тянулись телеги с тяжелоранеными, кто мог передвигаться - шли в полковые околотки сами, в одиночку или группами. Число раненых в лазарете и околотках удвоилось и достигло 1,5 тыс.¹¹⁹

Первых добровольцев оставалось в строю все меньше и меньше. Вливавшиеся в части мобилизованные кубанские казаки, в большинстве – необученная молодежь, дрались неохотно и страшного напряжения боя не выносили; наименее стойкие уже стали расходиться по домам.

Казачьи конные отряды, донцы и кубанцы, действовали с оглядкой и в пригородных условиях при столь плотном огне обороняющихся не могли внести перелом в ход операции.

Постоянный ввод противником свежих подкреплений при отсутствии своих резервов, шквальный огонь его артиллерии при молчании собственной, вялые действия мобилизованных казаков при остервенелом сопротивлении кубанских пластунов, воевавших за большевиков, - все это действовало на добровольцев деморализующе. Самоуверенности, рожденной предыдущими – «станичными» - победами над неорганизованными толпами местных красногвардейцев, поубавилось. Началась – чего раньше не отмечалось - «утечка» под разными предлогами из боевой линии в тыл.

Тем не менее убежденность, что город будет не сегодня – завтра взят, еще владела почти всеми и помогала подниматься в атаку. Среди бойцов каждой части преобладало мнение, что только они встретили ожесточенное сопротивление и несут большие потери, а на других участках дела обстоят гораздо лучше. Стержнем такой убежденности была вера в Корнилова, которая приобретала все более фанатичный характер. Дополняли ее, помогая сохранять боевой дух, ожесточение, ненависть к большевикам и зримая близость столь вождеденной цели похода – Екатеринода¹²⁰.

Вечером 30 марта Корнилов собрал в своей комнате военный совет. Помимо Алексева, приехавшего из Елизаветинской, где он жил, Деникина, Романовского, Маркова и Богаевского, были приглашены Филимонов и Быч. Если присутствие на совете кубанского атамана еще можно было счесть вполне естественным, то приглашение главы краевого правительства выглядело странным: слишком хорошо известны были как его неприятие «реставраторских намерений» Добровольческой армии, так и антипатия к нему командующего. У Корнилова, однако, был свой нехитрый расчет: чувствуя, что у некоторых его ближайших подчиненных возникла и крепнет мысль снять осаду Екатеринодара ради сохранения армии, он хотел заручиться поддержкой кубанцев, исполненных решимости брать город «любой ценой».

Каждый доложил о положении на его участке. Настроение было тяжелое, никто ничего не приукрашивал и общая картина вышла мрачной: у противника подавляющее превосходство в людях, вооружении и боеприпасах, кубанские казаки не поднялись и не пришли на помощь Добровольческой армии, в самом Екатеринодаре – ни малейших признаков хоть каких-то действий против большевиков, которые могли бы помочь взять город, потери тяжелы, достигли почти половины личного состава и ничем восполнены быть не могут, части утомлены до крайности, снарядов и патронов нет. Корнилов слушал, не возражая. С его посуровевшего лица не сходило страдальческое выражение; присутствовавшие отнесли это к гибели Неженцева. Как никогда прежде, при тусклом свете коптящих свечей он казался постаревшим и одиноким.

Выслушав всех, Корнилов произнес со своей обычной резкостью и непреклонностью: «Положение действительно тяжелое, и я не вижу другого выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту». И предложил высказываться. Вопрос был предельно ясен: продолжать штурм или отступить? Как ясно стало и то, что Корнилов уже все решил сам и бесповоротно. И совет этот нужен ему лишь для одного: внушить начальникам, а через них – всей армии, свою непреклонность и уверенность в успехе.

Мнения разделились.

Алексеев согласился с командующим. Филимонов и Быч - тоже, заявив, что отход означает «общую неминуемую гибель».

Деникин, Романовский, Марков и Богаевский ответили отрицательно. Острее других они чувствовали, что армия «об Екатеринодар разобьется» и даже если она возьмет его, понесенные при этом потери не позволят ей удержать кубанскую столицу: еще сильная в

поле, в большом городе она вынуждена будет распылить обескровленные части для его охраны и выстроить прочную оборону не удастся.

Установилась тягостная пауза. Прервал ее заколебавшийся Алексеев: он предложил перенести решающую атаку на послезавтра – 1 апреля, сутки использовать для перегруппировки и отдыха, а там, «быть может, станичники подойдут еще на пополнение». Трезвый взгляд на вещи, видимо, изменил Алексееву, когда на карту оказались поставлены все его стратегические замыслы по завоеванию базы антибольшевистской борьбы на Северном Кавказе, цель и смысл похода, который уже стоил немалых жертв. На взгляд Деникина, такое половинчатое решение лишь «отдаляло решительный час» и «сглаживало психологическую остроту момента», обрекая армию на томительное выжидание вместо отдыха и трату последних патронов в случае контратаки противника.

Среднее решение – всегда не лучшее, но Корнилов поспешил согласиться с Алексеевым. И неожиданная эта поспешность выдала его смятение и трагическое ощущение безысходности, внешне прикрытые непреклонностью. «Итак, будем штурмовать Екатеринодар на рассвете 1 апреля. Отход от Екатеринодара будет медленной агонией армии. Лучше с честью умереть, чем влачить жалкое существование затравленных зверей», – подвел черту командующий¹²¹.

Генералы покинули Корнилова, полные тягостного предчувствия самоубийственности его решения – для каждого из них, и для всей армии. Марков, вернувшись в штаб своей бригады, мрачно изрек: «Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодара не возьмем, а если и возьмем, то погибнем»¹²².

И после совета Корнилов продолжал убеждать подчиненных, что иного пути, кроме штурма, нет. С таким упорством, словно убеждал самого себя.

Когда Деникин, оставшись с командующим один на один, спросил, почему тот так непреклонен, Корнилов ответил: «Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб». Тогда, возразил Деникин, тысячи жизней окажутся почти без шансов на отступление и выживание, так не лучше ли «оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию». Корнилов на это здравое замечание своего заместителя отреагировал кратко, будто отмахнулся: «Вы выведете...» Взволнованный таким оборотом дела Деникин лишь воскликнул: «Если генерал Корнилов покончит с собой, то никто не выведет армии – она вся погибнет!»¹²³

Позже, в разговоре с Казановичем, чей полк был отозван к ферме в резерв, Корнилов сказал: «Конечно, все мы можем при этом погибнуть.

Но, по моему, лучше погибнуть с честью. Отступление теперь тоже равносильно гибели: без снарядов и патронов это будет медленная агония»¹²⁴.

Откуда взялась у Корнилова эта непреклонность, больше похожая на слепую одержимость? Почему он не внял трезвым голосам генералов, чей боевой опыт не уступал его собственному (а то и превосходил, если вести речь о Деникине)? Чем питались многократно повторяемые, как заклинание, «другого выхода нет» и «лучше погибнуть с честью»? Ведь ясно же было любому здравомыслящему человеку, что от гибели Корнилова, хоть с честью, хоть без нее, выиграли бы только большевики.

Прежде всего, независимо от личных представлений Корнилова о чести и бесчестии, жестокая необходимость продолжения штурма диктовалась объективным положением Добровольческой армии, в котором она оказалась, приблизившись в конце марта к цели своего похода. Не имевшая базы и снабжающаяся с момента своего создания исключительно путем захвата трофеев, «кочующая армия» из-за почти полного отсутствия боеприпасов понесла за три дня Екатеринодарской операции потери, которые превысили 50 % ее состава и восполнены быть не могли. И только взятие Екатеринодара давало шанс снабдиться боеприпасами за счет трофеев и овладеть рычагами власти, которые позволили бы, при условии удержания города, наладить финансирование, комплектование и снабжение армии. Корнилов эту ситуацию воспринимал просто: как выбор между гибелью за боеприпасы и город как центр власти и гибелью без боеприпасов и без власти. Отсюда и прямолинейное заключение: продолжение штурма – единственный выход.

Однако такое восприятие ситуации вполне позволяло, поразмыслив здраво и поставив в качестве самой важной задачу спасения личного состава, прислушаться к аргументам Деникина и «оторваться от Екатеринодара» – пусть побитой собакой, но сохранившей хоть какую-то возможность где-то затаиться,лизать раны и выжить. Корнилов же прислушался лишь к своим собственным, ведомым одному ему аргументам и субъективным ощущениям.

Каким?

Одним из них, вероятно, было острое разочарование. Причины его очевидны: вопиющая малочисленность вставших под его знамя, равнодушие донского и кубанского казачества, на подъем которого делалась главная ставка при стратегическом планировании обретения базы на Северном Кавказе, и те массовость и ожесточение, с какими воевали против его армии местные иногородние крестьяне, пришлые солдаты и матросы, а также часть казаков. Тем не менее, он был далек от

мысли, что дело антибольшевистской борьбы погибнет вместе с ним. Не мог он не верить в то же, во что верил генерал Марков, заявивший на совете: «У нас еще будут победы». В это еще верила вся армия. Иначе и быть не могло: люди с иными настроениями и в ином психологическом состоянии остались в Новочеркаске и Ростове. В напутствии Деникину – «Вы выведете...» – и сказала эта уверенность.

Значит, его внутреннее ощущение обреченности на самоубийственное продолжение штурма зиждилось на чем-то ином, очень личном. Похоже, он с беспощадной ясностью осознал, что его судьба как вождя, как он этому ни противился, намертво переплелась с судьбой Екатеринодара. Лишь взяв город, удержав его и водворив в нем свою власть, он становился безоговорочным лидером антибольшевистского движения и – в случае ликвидации большевизма – правителем всей России. Нет – останется, бросив агонизирующую армию, бежать в родную Сибирь, куда он так рвался всей душой. Но такой выход никак не совмещался с его представлениями о чести. Более того: вряд ли его бы встретили там как героя, как встретили в России после бегства из австрийского плена или в Новочеркаске после бегства из быховской тюрьмы. Возможность второго, после августа 1917 г., поражения болезненно ощущалась им как крушение своей славы национального героя и попрание своей чести. Лишь воспринимая таким образом ситуация, отнюдь не безвыходная с чисто военной точки зрения, могла свестись в его сознании к предельно жесткой дилемме: честь и слава взятия Екатеринодара или бесславная смерть с честью.

Действительно, никакая слава полководца и вождя не выдержит двух поражений подряд. Тем более, когда речь идет не об исходе кампании, а о судьбе страны. И невольно напрашивается вывод: Корнилов не видел рационального выхода, поскольку здравый рационализм шел поперек его гипертрофированных (вполне традиционных для русской военной среды) представлений о чести, и ради сохранения свой чести и ореола национального героя, поставив свою гордыню превыше всего, он готов был пожертвовать армией и жизнями доверившихся ему людей.

Насколько справедлив такой вывод?

Кто знает... Уже никому не суждено проникнуть в тяжкие мысли и болезненные переживания, которые владели Корниловым в ночь с 30 на 31 марта, прочувствовать всю глубину его личной трагедии.

Тем более никому не дано его судить...

Реальная военно-политическая ситуация начала 1918 г. на Дону и Кубани завела Добровольческую армию в гибельный тупик. Корнилов

видел только два выхода: Екатеринодар или прекращение борьбы (лично для него в этом случае – самоубийство).

Война нашла третий.

Утром 31 марта очередной снаряд, выпущенный по ферме батареей обороняющихся, пробил стену комнаты Корнилова и разорвался внутри, когда тот сидел за столом. Адьютанты, вбежавшие в комнату, в которой все было перевернуто вверх дном и клубилась белая известковая пыль, увидели командующего лежащим на полу с закрытыми глазами. Пробитое правое бедро было окровавлено, из маленькой ранки на левом виске тонкой рубиновой струйкой сочилась кровь. Он тихо стонал. Его медленно покрывала белым, словно саваном, оседавшая пыль. Стрелки разбитых часов замерли на половине восьмого.

Пока командующего аккуратно укладывали на носилки и выносили из дома, один из штабных офицеров, потеряв голову, истерично кричал в трубку полевого телефона генералу Маркову: «Все попало! Корнилов убит!»

Перенесенный на террасу, стоявшую на крутом берегу Кубани, Корнилов через несколько минут, не приходя в сознание, умер. Склонившись к нему и прикинув к его холодеющей руке, едва сдерживал рыдания Деникин¹²⁵.

В Гражданской войне города стали гиблыми местами как для красных, так и для белых. Их удержание или занятие рассматривались как единственное очевидное свидетельство боевого успеха, боеспособности армии и жизнеспособности власти, ощущались как фактор огромного экономического, политического и морального значения. Ради занятия или удержания городов предавались забвению и нарушались самые грамотные и рациональные тактические соображения и расчеты, командующие ради городов губили армии и гибли сами.

Два месяца назад, 29 января, Донской атаман Каледин, чтобы не оставлять с позором своей столицы – Новочеркаска, выстрелил себе в сердце (его часто называли «невольником чести»¹²⁶, можно назвать и «невольником Новочеркаска»). Теперь, 31 марта, командующий Добровольческой армией генерал Корнилов, чтобы овладеть Екатеринодаром, трехдневным штурмом обескровил Добровольческую армию, атакой, назначенной на 1 апреля, обрек ее на уничтожение и накануне этой атаки нашел собственную смерть.

Снаряд, убивший Корнилова, дал Добровольческой армии шанс выжить.

Алексееву в Елизаветинскую была отправлена записка о гибели командующего с приглашением прибыть в штаб. Деникин, подписывая, придал ей форму рапорта, тем самым признавая безусловное право

Алексеева как основателя Добровольческой армии на назначение ее нового командующего. Сразу выехав, Алексеев встретил на полпути медленно двигавшуюся в Елизаветинскую в сопровождении конвоя текинцев повозку с еще не остывшим телом Корнилова, прикрытым буркой. Он сошел с коляски, низко поклонился покойному, поцеловал в лоб и долго смотрел в его бесстрастное, уже обмытое, лицо.

Деникин, сам этой сцены не видевший, глубоко и точно передал ее сокровенный смысл: «Последнее прощание двух вождей, которых связала общность идеи, разъединяло непонятное чувство взаимного личного разлада и соединит через полгода смерть...»³²⁰

Приехав в штаб, уже переведенный с фермы на перекресток дорог, который обстреливался меньше, Алексеев обратился к ожидавшему его Деникину со словами: «Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство...» Вместе с Романовском Алексеев быстро набросал приказ из двух параграфов. Первый содержал пространную эпитафию погибшему. Второй был предельно лаконичен: «В командование армией вступить генералу Деникину». Заминка вышла с подписью: по «неписанной конституции Добровольческой власти» выше командующего армией никого не было. С подсказки Романовского – мол, «армия знает, кто такой генерал Алексеев», - подписал просто: «генерал-от-инфантерии»³²¹. Так Алексеев сразу показал, что не стремится, воспользовавшись гибелью Корнилова, официально закрепить свое положение *над* командующим.

И в дальнейшем Алексеев не вмешивался в вопросы организации и управления армией, подчеркнуто блюдя эту «неписанную конституцию».

Гибель Корнилова как рукой сняла существовавшую в армейской верхушке напряженность, питавшуюся «взаимным личным разладом» между ним и Алексеевым. Деникину этот «разлад» потому и казался «непонятным», что для себя самого он по многим причинам не мог ни допустить, ни даже представить подобных отношений с Алексеевым.

Прежде всего, он безмерно уважал Алексеева и по-человечески любил. Далее, печальный пример «разлада» между Корниловым и Алексеевым научил его, сколь пагубны для *добровольческой* армии в условиях гражданской войны конфликты и даже незначительные трения между руководителями: они раскалывают штабное офицерство и командный состав, порождают интриги и вздорные слухи, подрывают боевой дух строевиков и ,наконец, просто мешают воевать, формировать армию, налаживать ее финансирование и снабжение. Потом, в силу армейской иерархии ему непозволено было то, что мог позволить себе Корнилов по отношению к основателю «Алексеевской организации»:

если Корнилов, как и Алексеев, был в чине генерала-от-инфантерии и дослужился в мировую войну до верховного главнокомандующего русской армией, то Деникин не поднялся выше генерал-лейтенанта и главнокомандующего армиями фронта. Более того, Деникин был много ниже Корнилова и по авторитету среди рядовых добровольцев, для которых он был лишь одним из «просто генералов». Наконец, одних личных качеств Деникина с лихвой хватило бы и без всего вышеназванного: человек глубоко верующий, порядочный, деликатный и чуждый интриганству, он чувствовал себя неуютно в конфликтных ситуациях, никогда не позволял взять над собой верх честолюбию и гордыне, напроць был лишен властолюбия. Ни в мыслях, ни в делах он не мог поставить себя выше Алексеева. Он вообще ни внутренне не ощущал себя «вождем», ни внешне не пытался изображать из себя такового. Кстати, именно поэтому его так взволновали и привели в замешательство слова Корнилова о намерении покончить с собой в случае отступления армии от Екатеринодара: ему просто непонятна была такая логика «вождизма», ставящая честь и славу вождя выше интересов дела и жизни подчиненных.

И теперь, вступив в командование Добровольческой армией, Деникин думал не о ее «выводе с честью» из создавшегося положения, а о спасении людей и сохранении шанса на продолжение борьбы. Выбирать не приходилось. Ситуация жестко диктовала единственное решение: прекратить операцию по овладению городом и быстрым маршем оторваться от екатеринодарской группы армии Автономова.

Около полудня Деникин, Алексеев и Романовский, а также приглашенные на совещание Филимонов и Быч уселись на бурках вокруг расстеленной карты на откосе заросшей канавы. Председательствовал Алексеев. На сообщение нового командующего о решении сегодня же после заката снять осаду кубанской столицы возражений не последовало. Обсудив маршрут отхода, остановились на том, который казался наименее опасным: на север, к станице Медведовская, а затем на Дядьковскую¹²⁷.

Самым уязвимым местом армии были даже не пустые повозки Арталлерийского отдела, а ее морально-психологическое состояние. Потерю Корнилова многие из его окружения восприняли как «конец всему». Первым желанием штаба было скрыть гибель командующего от войск хотя бы до вечера: чисто инстинктивно опасались, что весть эта разом деморализует и развалит армию, лишит ее способности выполнять приказы нового командующего, настолько в личности Корнилова сплелись воедино «идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение».хлопоты были напрасны: страшная весть быстро разнеслась по

«солдатскому тереграфу» и «вырвала из души последнюю надежду». Горечь потери смешалась с мертвящим ощущением безнадежности борьбы без Корнилова. У наименее стойких все заглушил страх за собственную жизнь, настолько реальной воспринималась неизбежность плена, жестокой мести большевиков и мучительной гибели от их рук. Части облетел панический слух об окружении армии подошедшими многочисленными войсками Автономова и Сорокина. Некоторые уже сговаривались, где и как лучше «распылиться», переодевшись и воспользовавшись припасенными еще в Ростове подложными документами¹²⁸.

В этот критический момент, когда добровольцы никого из «просто генералов» не воспринимали как преемника Корнилова, решающее значение имели первые шаги нового командующего. Хотя среди рядовых бойцов Деникин не был популярен, его авторитет в штабе и среди командиров частей был весьма высок, а с Романовским, начальником штаба, они были самыми близкими друзьями. Все это, а также крепкая дисциплина добровольцев и их инстинкт самосохранения помогли ему быстро взять в руки управление армией и подготовить ее к отходу.

Темной ночью с 31 марта на 1 апреля армия сняла осаду Екатеринодара и двинулась к Медведовской. При уходе армейского лазарета из Елизаветинской, когда противник уже окружал станицу, обозное начальство не нашло иного выхода, как оставить, в отчаянной надежде на милосердие большевиков, 64 тяжелораненых, для которых перевозка стала бы верной смертью; с ними были оставлены врач, медсестры и деньги. Станичники пообещали сберечь их, но большевики сразу по занятии Елизаветинской зверски убили 50 из них¹²⁹.

В колонне добровольцев царил траур: и по Корнилову, и по тому делу, ради которого они встали под его знамя, и по самим себе. Обстреливаемая революционными отрядами, пытавшимися преградить ей путь и окружить, колонна двигалась на пределе сил, то и дело меняя направление. Деникин вел армию буквально по лезвию ножа, спасая ее как от большевистского окружения, так и от вспышки самоубийственной паники. Когда 1 апреля на одном из кратких привалов Филимонов спросил Деникина, как он расценивает положение, командующий ответил просто: «Если доберемся до станицы Дядьковской, то за три дня я ручаюсь, дня три еще проживем...»¹³⁰

Отход от Екатеринодара несколько поднял настроение добровольцев: удалось, наконец, избавиться от ежеминутного ожидания смерти в окопах и при атаках. Но по-прежнему почти каждый, как могильной плитой, был придавлен ощущением, что «впереди – никакой

надежды» и «большевики всех перережут». Боевые части потеряли почти 3 тыс. из 6-ти – убитыми и ранеными, а также разбежавшимися кубанцами; полки уменьшились до рот. Повозки Артиллерийского отдела были пусты; лишь в батареях осталось от 30 до 50 снарядов, да у бойцов немного патронов в подсумках. Поэтому каждый новый обстрел или нажим противника поднимали волну панических настроений и шкурных инстинктов. Быстро распространилось недоверие к сослуживцам, к начальству и к другим частям. Самые малодушные панически искали собственные пути спасения. Пример подали кубанские казаки, разбежавшиеся по своим станицам. За ними, украв у местных жителей крестьянскую одежду и выбросив оружие, «распылились» десятки офицеров и юнкеров, пытаясь укрыться в населенных пунктах; эти исчезли бесследно. В обозе, где панические настроения были особенно сильны, раненые срывали с себя кокарды и погоны. По армии волнами катились слухи один страшнее и нелепее другого: о планах штаба договориться с большевиками о «пропуске» армии, о готовности целых частей сдать в плен или отделиться от армии и прорываться самостоятельно, о намерении некоторых командиров спасти жизни подчиненных ценой выдачи большевикам старших начальников и имевшихся у армии «больших денег» и «золотого запаса»¹³¹. Никто, как видно, не представлял себе, что армейская казна, умещавшаяся в чемодане Алексева и внутренних карманах его адъютантов-«деньгонош», насчитывала не более 3,5 млн.руб., которых, чтобы содержать армию, могло хватить лишь на пару месяцев¹³².

Ночью 1 апреля армия вошла в немецкую колонию Гначбау, где простояла весь следующий день, приводя себя в порядок и дожидаясь темноты. Деникин приказал оставить лишь четыре орудия – больше и не требовалось на мизерное количество сбереженных снарядов, и сократить обоз. Остальные орудия – около десяти,- в свое время добытые с таким трудом, а теперь ставшие бесполезной и смертельно опасной обузой, сняв затворы и испортив лафеты, утопили в речке. Много повозок порубили, часть имущества выбросили¹³³.

2 апреля, перед уходом, в Гначбау были тайно похоронены Корнилов и Неженцев.

К рассвету 3 апреля колонна армии вышла к линии Черноморской железной дороги в одной версте от станции Медведовская, где ее уже поджидали части Юго-Восточной революционной армии: два бронепоезда и два эшелона с пехотой. Штаб Автономова намеревался запереть и уничтожить остатки «корниловских банд» в тесном кольце железных дорог. Когда один из бронепоездов неожиданно приблизился, его находчиво и бесстрашно остановил Марков, скомандовав машинисту

«стой» и бросив гранату в паровозную машину. Дело довершил командир 1-й батареи полковник Д.Т.Миончинский: выдвинул орудие и последними снарядами в упор расстрелял паровоз и блиндированные вагоны. Одни добровольцы еще добивали отчаянно отстреливавшуюся команду бронепоезда, а другие, которым кинулись помогать раненые из обоза, уже расцепляли и тушили горящие вагоны, вытаскавая из них и перегружая на телеги самое ценное – ящики со снарядами и патронами. В них было спасение каждого и всей армии. Пока Офицерский и Кубанский полки брали станцию, группы бойцов других частей и обозные телеги под обстрелом второго бронепоезда буквально перелетали через железнодорожные пути, едва успевая подхватывать раненых и не обращая внимания на убитых.

Бой под Медведовской стал переломным. Добровольческая армия вырвалась из смертельной петли железных дорог, открыла себе спасительный путь на север и захватила более 400 снарядов и 100 тыс. патронов – на несколько боев армия была обеспечена. Все это отчасти вернуло в ряды добровольцев боевой дух, дисциплину и веру в начальников. Поднялся авторитет нового командующего, сумевшего быстро и организованно увести армию от гиблого места¹³⁴.

* * *

Эпитафия погибшему Корнилову в приказе от 31 марта выглядит в авторстве Алексеева и Романовского сколь возвышенной, столь же и двусмысленной. Такое впечатление производит перечисление «всех дел покойного»: «бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею»¹³⁵.

«Бегство из неприятельского плена» можно считать геройством, лишь забыв о разгроме в апреле 1915 г. в Карпатах 48-й дивизии, которой он командовал, и тысячах ее чинов, погибших и захваченных в плен. «Августовское выступление» против Временного правительства Керенского, непродуманное и неподготовленное, закончилось провалом, причем немало было таких, кто, подобно застрелившемуся генералу А.М.Крымову, именно Корнилова считали главным виновником провала¹³⁶. «Выход» из Быхова стал началом крайне неудачного похода на Дон во главе Текинского полка, который завершился его разгромом. «Вступление в ряды» напомнило, что не Корнилов стоял у истоков формирования Добровольческой армии. «Славное командование» ставилось под сомнение ходом и результатами Екатеринодарской операции...

Возможно, такое впечатление, навеянное текстом приказа от 31 марта, слишком критично и даже предвзято.

Конечно, в апреле 1918 г., а тем более позже, когда 1-й Кубанский («Ледяной») поход стал восприниматься как «Анабазис» Белого движения на юге, вершина мужества и бездонная чаша испытаний добровольцев-«первопоходников» - «не то быль, не то сказка», как выразился Деникин,- культ Корнилова в Добровольческой армии, его ореол вождя и национального героя никем сомнению не подвергался. Да он и не мог быть поколеблен никакими сомнениями. Без веры, зачастую совершенно иррациональной, в командующего не может воевать ни одна армия, как без веры в командира – ни одно подразделение и ни одна часть. Погибший вождь стал святыней Добровольчества.

Вероятно все же, что в глубине души Алексеев, Деникин, Романовский и, возможно, еще кто-то из командиров частей не могли не признать ошибочность некоторых решений и действий первого командующего армией. Но причину неудачи 1-го Кубанского похода им проще было видеть не в его ошибках, а в роковом ходе событий, «управляемых великими и неведомыми законами бытия»¹³⁷. Это о мертвых – или хорошо, или ничего. О святынях – только коленопреклоненно.

Деникин даже три-четыре года спустя, когда писал «Очерки русской смуты», ушел от оценок некоторых действий Корнилова и Екатеринодарской операции в целом. Для него посягнуть на такую святыню Белого дела, как Корнилов, - значило уподобиться большевикам, которые 3 апреля, обнаружив в Гначбау могилу командующего Добровольческой армией, вырыли тело и, привезя в Екатеринодар, глумились над ним в «революционном» экстазе, дав выход торжеству, мести и озверению...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Печатаются с сокращениями. Книга готовится к изданию в Издательском центре РГГУ в 2001 г.

² Здесь и после 1(14) февраля 1918 г. все даты – по старому стилю (Юлианскому календарю), который сохранялся командованием Добровольческой армии на занимаемой территории юга России.

³ Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд, 1917 - 1919. Монреаль, 1981. С.31-32.

⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1922. Т.2. С.29.

⁵ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.31.

-
- ⁶ Деникин А.И.Указ.соч.С.101,187.
- ⁷ Деникин А.И.Указ.соч.С.187.
- ⁸ Лукомский А.С.Воспоминания.Берлин,1922.Т.І.С.279.
- ⁹ Лукомский А.С.Указ.соч.Т.І.С.280.
- ¹⁰ Лукомский А.С.Указ.соч.Т.І.С.279-280.
- ¹¹ Черчилль В.Мировой кризис.М.;Л.,1932.С.49.
- ¹² Деникин А.И.Указ.соч.С.188.
- ¹³ Деникин А.И.Указ.соч.С.188.
- ¹⁴ Деникин А.И.Указ.соч.С.188; Лукомский А.С.Указ.соч.Т.І. С.280-281.
- ¹⁵ Деникин А.И.Указ.соч.С.189.
- ¹⁶ Деникин А.И.Указ.соч.С.189; Лукомский А.С.Указ.соч.Т.І. С.281.
- ¹⁷ Деникин А.И.Указ.соч.С.189.
- ¹⁸ Богаевский А.П.Воспоминания: 1918 год.Нью-Йорк,1963.С.38-39;
- Гуль Р.Ледяной поход (С Корниловым).Берлин,1921.С.34-35.
- ¹⁹ Богаевский А.П.Указ.соч.С.18-19.
- ²⁰ Трубецкой Г.Н.Указ.соч.С.32; Лукомский А.С.Указ.соч.Т.І.С.282-283.
- ²¹ Трубецкой Г.Н.Указ.соч.С.32-33.
- ²² Деникин А.И.Указ.соч.С.251-252; Богаевский А.П. Указ.соч. С.38,67.
- ²³ Деникин А.И.Указ.соч.С.195; Лукомский А.С.Указ.соч.Т.І.С.281.
- ²⁴ Богаевский А.П.Указ.соч.С.39; Трубецкой Г.Н.Указ.соч.С.33; Лукомский А.С.Указ.соч.Т.І.С.281-282.
- ²⁵ Богаевский А.П.Указ.соч.С.67; Трубецкой Г.Н.Указ.соч.С.33; Гуль Р.Указ.соч.С.16-17.
- ²⁶ Деникин А.И.Указ.соч.С.173.
- ²⁷ Богаевский А.П.Указ.соч.С.47; Трубецкой Г.Н. Указ.соч. С.28,35-36.
- ²⁸ Трубецкой Г.Н.Указ.соч.С.36.
- ²⁹ Богаевский А.П.Указ.соч.С.39.
- ³⁰ Трубецкой Г.Н.Указ.соч.С.25-26.
- ³¹ Деникин А.И.Очерки русской смуты.Т.2.С.216; Трубецкой Г.Н. Указ.соч.С.37.
- ³² Особняк был построен в 1911 г. и дважды восстанавливался – после Гражданской и Великой Отечественной войн; в настоящее время в нем помещается научная библиотека Ростовского государственного университета (Пушкинская ул., д.148).
- ³³ Богаевский А.П.Указ.соч.С.33,35.

-
- ³⁴ Филимонов А.П. Кубанцы (1917 – 1918 гг.) // Белое дело. Берлин, 1927. Кн. II. С. 75.
- ³⁵ Деникин А.И. Указ. соч. С. 269.
- ³⁶ Деникин А.И. Указ. соч. С. 216.
- ³⁷ Деникин А.И. Указ. соч. С. 192, 205.
- ³⁸ Богаевский А.П. Указ. соч. С. 42.
- ³⁹ Денежные документы генерала Алексева // Архив русской революции. Берлин, 1922. Кн. V. С. 352.
- ⁴⁰ Казанович Б. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву»: Май – июль 1918 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. VII. С. 185.
- ⁴¹ Деникин А.И. Указ. соч. С. 227.
- ⁴² Лукомский А.С. Указ. соч. Т. I. С. 290.
- ⁴³ Соколов А.А. Обезценение денег, дороговизна и перспективы денежного обращения в России. Екатеринбург, 1920. С. 97, 106.
- ⁴⁴ Деникин А.И. Указ. соч. С. 101.
- ⁴⁵ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 35; Лукомский А.С. Указ. соч. Т. I. С. 287-288, 291; Деникин А.И. Указ. соч. С. 170.
- ⁴⁶ Деникин А.И. Указ. соч. С. 197; Гуль Р. Указ. соч. С. 17; Беляевский В.А. Голгофа. Сан-Пауло, 1965. С. 61-63; Калинин И. Русская Вандея. М.; Л., 1926. С. 27.
- ⁴⁷ Беляевский В.А. Указ. соч. С. 63.
- ⁴⁸ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 35; Лукомский А.С. Указ. соч. Т. I. С. 287; Деникин А.И. Указ. соч. С. 197-198, 217.
- ⁴⁹ Деникин А.И. Указ. соч. С. 197, 269.
- ⁵⁰ Гуль Р. Указ. соч. С. 18.
- ⁵¹ Деникин А.И. Указ. соч. С. 200; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 35; Лукомский А.С. Указ. соч. Т. I. С. 290, 299.
- ⁵² Деникин А.И. Указ. соч. С. 200, 218; Богаевский А.П. Указ. соч. С. 42.
- ⁵³ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 203, 217; Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 35; Лукомский А.С. Указ. соч. Т. I. С. 299; Гуль Р. Указ. соч. С. 18, 29.
- ⁵⁴ Деникин А.И. Указ. соч. С. 204; Лукомский А.С. Воспоминания. Т. I. С. 291.
- ⁵⁵ Лукомский А.С. Указ. соч. Т. I. С. 298; Богаевский А.П. Воспоминания: 1918 год. С. 56; Первые начавшие. Н.-Й., 1958. С. 44.
- ⁵⁶ Лукомский А.С. Указ. соч. С. 282; Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. IX. С. 243-244.

-
- ⁵⁷ Лукомский А.С.Указ.соч.Т.І.С.293; Богаевский А.П. Указ.соч. С.46-47.
- ⁵⁸ Деникин А.И.Указ.соч.С.268-270; Лукомский А.С. Указ.соч. Т.І.С.293.
- ⁵⁹ Трубецкой Г.Н.Указ.соч.С.38-39; Лукомский А.С.Указ.соч.Т.І.С.294.
- ⁶⁰ Лукомский А.С.Указ.соч.Т.І.С.294.
- ⁶¹ Деникин А.И.Указ.соч.С.220,229.
- ⁶² Деникин А.И.Указ.соч.С.221.
- ⁶³ Трубецкой Г.Н.Указ.соч.С.42-43.
- ⁶⁴ Богаевский А.П.Указ.соч.С.52.
- ⁶⁵ Деникин А.И.Указ.соч.С.220-221.
- ⁶⁶ Трубецкой Г.Н.Указ.соч.С.43.
- ⁶⁷ Деникин А.И.Указ.соч.С.221-222; Трубецкой Г.Н.Указ.соч.С.43-45; Лукомский А.С.Указ.соч.Т.І.С.295.
- ⁶⁸ Деникин А.И.Указ.соч.С.221.
- ⁶⁹ Деникин А.И.Указ.соч..С.222; Трубецкой Г.Н.Указ.соч.С.45; Лукомский А.С.Указ.соч.Т.ІІ.С.10.
- ⁷⁰ Богаевский А.П.Указ.соч.С.59.
- ⁷¹ Деникин А.И.Указ.соч.С.259; Лукомский А.С.Указ.соч.Т.ІІ.С.10.
- ⁷² Деникин А.И.Указ.соч.С.222.
- ⁷³ Деникин А.И.Указ.соч.С.227; Богаевский А.П.Указ.соч.С.55; Гуль Р.Указ.соч.С.49,52-53; Пауль С.М. С Корниловым//Белое дело. Берлин,1927.Кн.ІІІ.С.72.
- ⁷⁴ Деникин А.И.Указ.соч.С.228; Лукомский А.С.Указ.соч.Т.І. С.298; Богаевский А.П.Указ.соч.С.56; Пауль С.М.Указ.соч.С.72.
- ⁷⁵ Деникин А.И.Указ.соч.С.229.
- ⁷⁶ Лукомский А.С.Воспоминания.Берлин,1922.Т.ІІ.С.7-8.
- ⁷⁷ Деникин А.И.Указ.соч.С.227,229; Лукомский А.С.Указ.соч. Т.ІІ. С.10; Пауль С.М.Указ.соч.С.72.
- ⁷⁸ Деникин А.И.Указ.соч.С.280,282.
- ⁷⁹ Деникин А.И.Указ.соч.С.221,233; Лукомский А.С.Указ.соч.Т.ІІ.С.8.
- ⁸⁰ Лукомский А.С.Указ.соч.Т.ІІ.С.8; Деникин А.И.Указ.соч.С.229; Богаевский А.П.Указ.соч.С.58.
- ⁸¹ Деникин А.И.Указ.соч.С.229-230.
- ⁸² Богаевский А.П.Указ.соч.С.59; Деникин А.И.Указ.соч.С.230-232.

-
- ⁸³ Деникин А.И. Указ. соч. С.231; Лукомский А.С. Указ. соч. Т. II. С.9-12; Богаевский А.П. Указ. соч. С.61.
- ⁸⁴ Лукомский А.С. Указ. соч. Т. II. С.12-13.
- ⁸⁵ Богаевский А.П. Указ. соч. С.62.
- ⁸⁶ Деникин А.И. Указ. соч. С.233; Богаевский А.П. Указ. соч. С.64-65.
- ⁸⁷ Деникин А.И. Указ. соч. С.233-234.
- ⁸⁸ Филимонов А.П. Указ. соч. С.88-89; Николаев К.Н. Смутные дни на Кубани//В память 1-го Кубанского похода. Белград, 1926. С.90-91.
- ⁸⁹ Филимонов А.П. Указ. соч. С.90-91.
- ⁹⁰ Филимонов А.П. Указ. соч. С.90; Деникин А.И. Указ. соч. С.270.
- ⁹¹ Филимонов А.П. Указ. соч. С.90.
- ⁹² Филимонов А.П. Указ. соч. С.91,93-95; Николаев К.Н. Указ. соч. С.92.
- ⁹³ Деникин А.И. Указ. соч. С.247.
- ⁹⁴ Деникин А.И. Указ. соч. С.247,259; Лукомский А.С. Указ. соч. Т. II. С.22.
- ⁹⁵ Деникин А.И. Указ. соч. С.255,258-259.
- ⁹⁶ Филимонов А.П. Указ. соч. С.91-93; Николаев К.Н. Указ. соч. С.93.
- ⁹⁷ Филимонов А.П. Указ. соч. С.97.
- ⁹⁸ Филимонов А.П. Указ. соч. С.90,94,98; Деникин А.И. Указ. соч. С.268-269.
- ⁹⁹ Деникин А.И. Указ. соч. С.272-273.
- ¹⁰⁰ Филимонов А.П. Указ. соч. С.97-98; Николаев К.Н. Указ. соч. С.94.
- ¹⁰¹ Филимонов А.П. Указ. соч. С.96.
- ¹⁰² Деникин А.И. Указ. соч. С.273.
- ¹⁰³ Деникин А.И. Указ. соч. С.275-277; Филимонов А.П. Указ. соч. С.98.
- ¹⁰⁴ Деникин А.И. Указ. соч. С.277-278.
- ¹⁰⁵ Филимонов А.П. Указ. соч. С.98-99; Деникин А.И. Указ. соч. С.278-279.
- ¹⁰⁶ Филимонов А.П. Указ. соч. С.99.
- ¹⁰⁷ Деникин А.И. Указ. соч. С.279-280,282.
- ¹⁰⁸ Филимонов А.П. Указ. соч. С.100-101.
- ¹⁰⁹ Богаевский А.П. Указ. соч. С.113; Деникин А.И. Указ. соч. С.280-282.
- ¹¹⁰ Деникин А.И. Указ. соч. С.283.
- ¹¹¹ Филимонов А.П. Указ. соч. С.101-102.
- ¹¹² Деникин А.И. Указ. соч. С.283.
- ¹¹³ Деникин А.И. Указ. соч. С.285,287; Казанович Б. Атака Екатеринодара и смерть Корнилова//В память 1-го Кубанского похода. Белград, 1926. С.48-49.

-
- ¹¹⁴ Казанович Б. Атака Екатеринодара и смерть Корнилова. С.50-51.
- ¹¹⁵ Деникин А.И. Указ. соч. С.288.
- ¹¹⁶ Казанович Б. Атака Екатеринодара и смерть Корнилова. С.54-57.
- ¹¹⁷ Деникин А.И. Указ. соч. С.292.
- ¹¹⁸ Деникин А.И. Указ. соч. С.293-294; Какурин Н. Как сражалась революция. М., 1990. Т.1. С.186; Сухоруков В.Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918 – 1920 гг.). М., 1961. С.22-23.
- ¹¹⁹ Деникин А.И. Указ. соч. С.294.
- ¹²⁰ Деникин А.И. Указ. соч. С.293-294; Богаевский А.П. Указ. соч. С.121; Казанович Б. Атака Екатеринодара и смерть Корнилова. С.54-57; Гуль Р. Указ. соч. С.119.
- ¹²¹ Деникин А.И. Указ. соч. С.294-295; Филимонов А.П. Указ. соч. С.103.
- ¹²² Деникин А.И. Указ. соч. С.295.
- ¹²³ Деникин А.И. Указ. соч. С.295.
- ¹²⁴ Казанович Б. Атака Екатеринодара и смерть Корнилова. С.59.
- ¹²⁵ Богаевский А.П. Указ. соч. С.131-132; Деникин А.И. Указ. соч. С.298-299.
- ¹²⁶ Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С.28.
- ³²⁰ Деникин А.И. Указ. соч. С.300.
- ³²¹ Деникин А.И. Указ. соч. С.303-304.
- ¹²⁷ Деникин А.И. Указ. соч. С.304; Филимонов А.П. Указ. соч. С.104.
- ¹²⁸ Деникин А.И. Указ. соч. С.299; Гуль Р. Указ. соч. С.120-121; Богаевский А.П. Указ. соч. С.134.
- ¹²⁹ Деникин А.И. Указ. соч. С.305,310.
- ¹³⁰ Филимонов А.П. Указ. соч. С.105.
- ¹³¹ Деникин А.И. Указ. соч. С.306-307,316; Филимонов А.П. Указ. соч. С.105; Гуль Р. Указ. соч. С.127-129; Богаевский А.П. Указ. соч. С.135-136; Карцов В.А. Колония Гнаденау// В память 1-го Кубанского похода. С.95.
- ¹³² Денежные документы генерала Алексева. С.353-354; Деникин А.И. Указ. соч. С.227,229,259.
- ¹³³ Деникин А.И. Указ. соч. С.306; Гуль Р. Указ. соч. С.128.
- ¹³⁴ Деникин А.И. Указ. соч. С.308-309; Гуль Р. Указ. соч. С.132-134; Филимонов А.П. Указ. соч. С.105.
- ¹³⁵ Деникин А.И. Указ. соч. С.304.
- ¹³⁶ Иоффе Г. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С.141-142.
- ¹³⁷ Деникин А.И. Указ. соч. С.194.